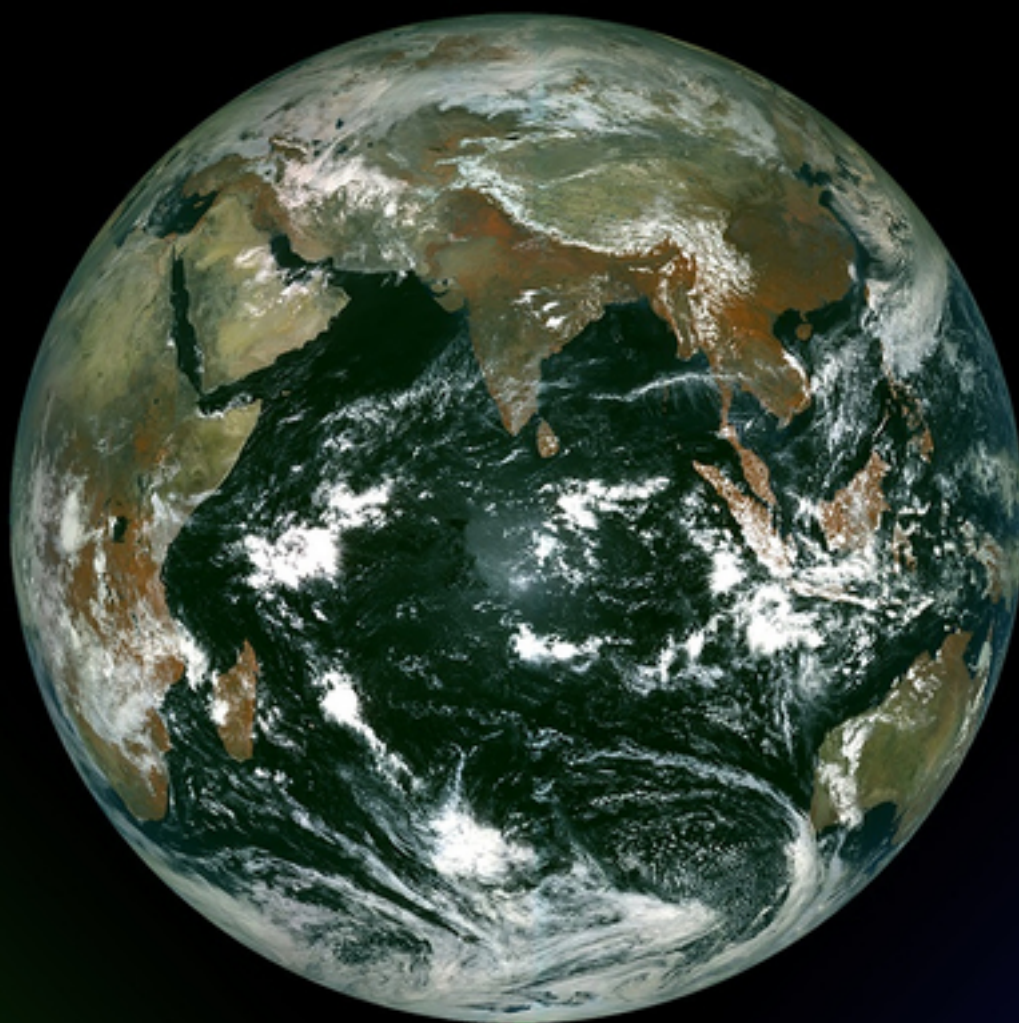

*Ана
Агари*

ЭЛЕМЕНТАЛИ

ПОД ЗНАКОМ СТИХИИ

Под знаком стихии

Ана Адари
Элементали

«Автор»

2017

Адари А.

Элементали / А. Адари — «Автор», 2017 — (Под знаком стихии)

Роман, который Не станет Событием Роман, который Не получит ни одной премии Роман, который всем понравился, но который Никто не захотел издать Потому что в отличие от всех тех романов, которые Станут событиями Получат премии и Будут изданы большими тиражами «Элементали» не ставит перед собой никакой глобальной задачи, Кроме одной: Развлечь читателя, перенести его на несколько часов из реальности в мир, наполненный событиями и захватывающими приключениями. Поэтому роман читается на одном дыхании, «Элементали» и сам похож на дыхание: непринужденное, легкое, как перышко, почти невесомое, и свободное от всяких условностей и обязательств.

© Адари А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Элементали	5
Америка	7
Ближний Восток	10
Китай	17
Россия	21
Вашингтон	26
Москва	37
Тунис	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ана Адари

Элементали

фантастический роман

Элементали

«Вначале был Дух. Скитался он во мраке, не чувствуя ничего и не заботясь ничем. И продолжалось так Вечность. А потом вдруг стало Духу скучно, и сотворил он Свет. А из Света сотворил Дух звезды и планеты. И понравилось ему творение. Дух выбрал одну планету, в самом дальнем и темном уголке своего только что сотворенного мира, чтобы в случае неудачи тут же об этом забыть и покрыл эту планету зеленью. Так появились растения. И так зародилась Жизнь. Но с растениями Духу было не интересно. Тогда привел он их в движение. Оторвал от поверхности земли, тех, что росли на ней, и сказал: «беги». А тех, что обитали в воде, оторвал от дна морского и сказал: «плыви». Тех же, кто цеплялся за скалы, оторвал от мертвого камня и сказал: «лети». Так началась Эволюция Жизни, и так было многие тысячи лет. И могло бы продолжаться Вечность...

Но Духу опять стало скучно. Ему не хватало дружеского общения. И тогда он сотворил из частей себя мыслящих существ, способных разделить его чувства. Но поскольку эти существа были частью его, то стали с ним на равных. Не заботились ничем и были равны друг с другом и с Духом. И продолжалось так Вечность. Тогда уже им стало с Духом скучно. Они захотели сотворить свой собственный мир и населить его частями себя. И рассердился Дух. Решил он положить этому конец раз и навсегда. Одиночество предпочтительней раздора, пусть даже оно длится Вечность.

Разделил Дух тогда свой идеальный мир на части. Так получилось четыре стихии: Огонь, Вода, Земля и Воздух. Для каждой из стихий Дух из части себя сотворил Элементаль. Чтобы она охраняла свою стихию, в том числе и от нерациональных действий мыслящих существ, которые оказались не способны оценить дружбу самого Духа. И лишил их Дух своей дружбы, сделав смертными, отобрал вечную жизнь, поставив условие: ее еще надо заслужить. После чего существа стали земными, а Дух стал для них Создателем. И никогда уже больше не являлся им Создатель в истинном своем обличье и сделался, глух к их мольбам и жалобам. По его велению отныне неотъемлемой частью Жизни стали страдания и боль.

После чего Дух потерял к своему творению интерес. Но поскольку он не мог оставить созданных им существ совсем без покровительства, то поручил четверем Ангелам Стихий сохранять гармонию и поддерживать на зеленой планете существующий порядок вещей. Ангелу Огня, Ангелу Воды, Ангелу Воздуха и Ангелу Земли. А дабы Ангелы своими глазами увидели, что творится в мире, за который они в ответе, раз в две тысячи лет им давалась возможность прожить земную жизнь. Ибо элементаль лишена каких-нибудь чувств, и поскольку сама она вечна, то не знает цену жизни, следовательно, и Хранитель из нее равнодушный. Только пережив любовь, разочарование, боль, страсть, обиду, радость, ревность, зависть и восторг, пройдя через земные страдания, вкусив блаженство бытия и почувствовав весь ужас смерти, станешь отчаянно бороться за жизнь. Посему раз в две тысячи лет Ангелы Стихий обретали плоть и спускались из мира абсолютной гармонии, где царит полная идиллия, в мир земных страстей как смертные мужчина или женщина.

Поначалу жизнь была им в радость. И климат на зеленой планете был мягким, ни осени, ни зимы, а только весна и лето, еды в изобилии, а жизнь человеческая длилась веками. Ведь Ангелы ею дорожили и были счастливы. Пока один не предал всех. И тогда реки вышли из

берегов, леса охватили пожары, планета содрогнулась от мощного землетрясения, потом по ней пронесся ураган, опустошая все. Первым закончилась земная жизнь Ангела Воды. На зеленую планету обрушился гнев Создателя, и человечество едва не погибло. Ведь братство четырех стихий имеет силу, лишь когда они все вместе.

И повелел Дух, что первым среди равных отныне будет Ангел Воды. После чего зеленая планета вновь обрела прежний климат и стала цветущей.

Но решение Создателя рассорило элементали. Получив новую жизнь, они тут же вспоминали прежние обиды. После одной из таких ссор планета опять погрузилась во мрак. Ударил молния, разразился гром. Ангел Воздуха пребывал в глубокой обиде на своих братьев-хранителей, и вновь последовало черное предательство. На этот раз первой закончилась земная жизнь Ангела Огня. Солнце навсегда скрылось за тучами, дождь все лил и лил, не переставая. Преобладающая вода поглотила и Ангела Воздуха, и Ангела Земли, и Ангела Воды. Человечество выжило чудом, но с тех пор не вернулись больше, ни прежнее изобилие, ни мягкий климат, ни долгая жизнь.

Дух рассердился на своих Ангелов, которые не могли управлять своей силой, становясь простыми смертными. И отобрал у них большую часть этой силы в обмен на земную жизнь, оставив одни только *свойства*. И повелел так: пока вы, Ангелы, храните зеленую планету, вы есть. Но как только ваша планета, планета Четырех Стихий исчезнет, и жизнь на ней прекратится, вы тоже уходите в Хаос. И будет один только Хаос, как было до того, пока я, Дух, не сотворил Свет. А потом наступит вечный Мрак.

И были Хранители сильнее, пока держались вместе, чуждые страстей, и пока была с ними вся их сила. Но раз в две тысячи лет Элементали становились простыми смертными, и для зеленой планеты это было нелегкое испытание. Ведь Дух почти потерял к своему творению интерес, отдав его на откуп Ангелам Стихий. И близилась новая Эра. Хаос, когда-то уступивший Духу, решил, что пришло его время. Теперь все вернется в тот момент, когда Дух еще не сотворил Свет. Надо лишь дождаться рождения Ангелов и освобождения стихий. И если в течение своей земной жизни четыре Элементали не встретятся и не поймут, что им надо сделать для того, чтобы предотвратить Хаос, неуправляемые стихии разорвут планету на части, и наступит Конец Света. Наступит вечный Мрак.

И пришел этот день...»

Америка

Газоны всегда стригла она. Хотя в семье кроме нее было еще две сестры и три брата. Но эту работу Тера охотно брала на себя, равно как и газоны соседей, которые могли позволить себе нанять садовника. В многодетной же семье Батлеров всегда не хватало денег. Какая уж тут прислуга! Отец Теры, Мэтью Батлер смог выбиться в люди, чем страшно гордился. Еще бы! Он, афроамериканец, сын ночного портье сумел получить высшее образование и стать владельцем рекламного агентства! Пусть агентство это небольшое, а Мэтью всего лишь младший партнер, и в его многодетной семье всегда не хватает денег, но зато не он открывает двери для припоздавших постояльцев, а двери эти угодливо открывают перед ним, коли уж ему случится остановиться по делам в отеле. Доживи до этого времени отец Мэтью, гордился бы достижениями своего младшего сына. Ведь двое других так и не преуспели, и даже должность ночного портье была бы для них за счастье.

Острую нехватку денег Батлеры тщательно скрывали. Дети работают, потому что их с малолетства надо приучать к труду, а вовсе не потому, что из-за неоплаченных счетов Батлерам в любой момент могут отключить свет, или погрузить на эвакуатор их новенькую машину, взятую в кредит. Дети постоянно слышали о процентах по этим кредитам: за дом, за машину, за новую мебель, за аренду папиного офиса. Все в кредит, семья-то большая, мама едва успевает по хозяйству, какая уж тут работа. И маленькие Батлеры как могли, помогали своим родителям. Семья была небогатой, но дружной. Особенно старалась Тера. Она, казалось, успевала везде. И по хозяйству, и в учебе, и денег заработать. Словно чувствовала свою вину: после того, как, извлекая из чрева не захотевшую появиться на свет естественным путем Теру, ее матери сделали кесарево, детей у Батлеров больше не было.

Старательная, безотказная, неутомимая, – такой была Тера. Удивительно, но там, где ступала ее нога, земля словно расцветала. Газон у дома Батлеров казался в округе самым зеленым, розы цвели так пышно, будто для них не было ни засухи, ни жгучих ветров, живая изгородь радовала глаз своей густотой.

– Что ты с ними делаешь, Тера? – допытывались соседи, прекрасно зная, что в маленький садик с розарием кроме младшей дочки Батлеров никто и не заглядывает.

– Я с ними просто разговариваю, – смеялась та, и лицо ее удивительным образом хорошилось.

Мэтью втайне считал младшую дочь самой большой своей неудачей. Он ей этого никогда, конечно, не говорил, жалея ее, но поневоле вздыхал, когда его взгляд останавливался на Тере. Некрасивая, с круглым лицом, огромным носом и тяжелым подбородком, вся какая-то приземистая, кургузая, полные ноги с широкими щиколотками прочно стоят на земле, так, словно пытаются в нее врасти. Меж тем две ее сестры хорошенькие, словно ангелочки! И в кого только уродилась такая?! Но Теру, с раннего детства имеющую избыточный вес, несколько это не волновало, равно как и внешность. Младшая дочь Мэтью была равнодушна к модной одежде и украшениям, никогда не крутилась перед зеркалом, как ее сестры, не пыталась узнать у мамы рецепт ее фирменного пирога. Казалось, и парни ее совсем не интересуют, и это было еще одной головной болью Мэтью. Жена лишь рукой махала:

– Нас, Батлеров, и так слишком много. Оставь Теру в покое.

Но ведь положено женщине выйти замуж! Ее удел – рожать детей и вести домашнее хозяйство! А Тера... Странная она какая-то. В день, когда она родилась, вдруг повалил снег, чего в этих широтах не бывало вот уже лет двести! Или даже больше. Во всяком случае, старожилы такого снегопада не помнили. Снег был густой и липкий, и валил он с неделю! А потом был невиданный урожай. Земля цвела так, будто завтра должен был наступить конец света, и она торопилась отдать себя людям всю, без остатка! Фермеры еще по весне не знали, куда

будут девать свой товар, когда урожаем созреет, цветочники давали огромные скидки, торговые сети всерьез опасались разориться. В тот год фруктовые деревья все, как одно, оделись в белоснежную кисею, и свадьба эта была такой пышной, будто земля отдавала все свои соки, а солнце самолично венчало брачующихся, держа над их кронами сияющую золотую корону. Ох, что это был за год!

Тера как-то незаметно подросла. Удивительная вещь, но она почти не болела. Или совсем не болела? Мэтью не помнил, чтобы у младшей дочери хоть раз поднялась температура, или Тера слегла бы на неделю с гриппом. Впрочем, детей в семье так много, что они с женой этого, быть может, просто не помнят? Тера везде, где она нужна, и все у нее получается. Учителя не раз говорили Мэтью, что девочка очень цепкая, хотя и без фантазии. Но когда дело касается цифр, или законов, тут уж Тера на высоте. У младшей из Батлеров феноменальная память, а, главное, убедительная, грамотная речь. В общем, Тера Батлер – девушка серьезная и рассудительная, а что касается парней... Слава богу, романы ее не интересуют. Совсем.

Почему, слава богу? Да потому, что с такой внешностью запросто можно остаться с разбитым сердцем. Парни опасаются таких серьезных девушек, отчаянно некрасивых и не по-женски умных. Если только какой-нибудь гений, такой же умник...

Но видимо, в планы Теры это не входило. Она старательно училась и радовала своими успехами учителей. Мэтью в первую очередь делал ставку на сыновей, но способной к учебе оказалась именно Тера. Ей легко удалось поступить в один из лучших в стране колледжей и с блеском его окончить, после чего Мэтью ничего другого не оставалось, как взять кредит на образование именно для своей младшей дочери. Остальные Батлеры добровольно и без лишних уговоров уступили. И сделали это очень охотно, хотя Мэтью не видел, чтобы Тера их упрашивала. У нее был странный взгляд, всезнающий, можно даже сказать тяжелый, гипнотизирующий, порою Тере даже не надо было тратить слов, чтобы добиться своего. Просто посмотреть. И она получала все, что хотела.

Шли годы. Мнение Мэтью о младшей дочери менялось по мере того, как она взрослела. Тера всегда знала, чего она хочет. Она без колебаний, интуитивно отметала все лишнее, видя перед собой одну только цель. Но кто знает, что это была за цель? Похоже, и сама Тера этого пока не знала. Она просто не разменивалась на мелочи. Молодежные вечеринки, походы в кино, долгие разговоры с подружками по телефону, – все это ее не интересовало. Да и подружек у Теры не было, равно как и парней. Она была сама по себе, надежная, как скала, неулыбчивая, всезнающая, и рядом со своими ровесницами кажущаяся даже не старшей их сестрой, а, скорее матерью.

У Мэтью иногда возникало чувство, будто все, что происходит с Терой, предопределено заранее. Уж больно легко и уверенно она шла по жизни и была в семье Батлеров словно чужой. Ни на кого из них не похожая, очень уж умная и какая-то *значительная*. Ей суждено покорить большие вершины, а не жить интересами маленького рекламного агентства, хотя какое-то время Мэтью надеялся, что растит себе помощницу.

Что ж, большой человек должен выйти на заданную орбиту, а орбита эта гораздо выше, чем провинциальный городок, в котором живет семья Батлеров и едва сводит концы с концами их маленький бизнес. Взялась бы за него Тера, дела наверняка наладились бы. Но она не собирается возвращаться в родной город после того, как получит университетский диплом. В конце концов, на младшую дочь Мэтью махнул рукой. Ну не хочет она замуж, не собирается рожать детей, не интересуют ее маленькие женские радости. И рекламный бизнес не интересует. Взгляд у Теры такой, будто она смотрит мимо тебя. Не куда-нибудь, а в будущее. Интересно, что она там видит?

Дочь уехала в столицу, и с тех пор виделась Тера со своей семьей редко. Хотя деньгами всегда помогала. И дела у Мэтью действительно наладились благодаря ней. Девушка выучилась на юриста и как-то очень уж быстро нашла работу. Причем, работу высокооплачиваемую, в

солидной юридической компании. Но и там Тера Батлер надолго не задержалась. Ее приглядел перспективный темнокожий сенатор и сделал своей помощницей. Вскоре уже Тера отвечала за его избирательную компанию. Писала сенатору речи, согласовывала график его встреч, заботилась об имидже. Нет, ничего личного. Мужчины Тере по-прежнему не интересовали, а она их. Ничего, кроме работы. Но зато работу эту Тера делала с блеском. Сенатор, не раз, ласково приобнимая ее за плечи, называл «душкой» и незаменимой. Хотя «душка», – это явно было не про Тере.

Она и сама удивлялась тому, как легко складывается ее политическая карьера. Когда была способна чему-то удивляться. Времени у нее катастрофически не хватало, график у сенатора был напряженным, а планы грандиозные. Когда поутру Тера наспех и без особого удовольствия причесывала свои густые непослушные волосы, похожие на мотки колючей проволоки, в зеркале отражалось широкое, некрасивое лицо, цвета эбенового дерева. Черные лоснящиеся щеки, тяжелый подбородок, мясистые губы. Но Тера не чувствовала при этом недовольства, хотя любая другая женщина легко пришла бы в отчаяние. Тере же нравилось ее лицо. Она даже что-то *припоминала*... Какие-то видения проносились в затуманенном дыханием стекле, пока Тера причесывалась, и они не имели ничего общего с этой, земной жизнью.

Слишком уж много Тере предстояло сделать, и она это чувствовала. Как чувствовала почти физически растущее напряжение во всем мире. Это началось в тот день, когда в южном штате вопреки всем законам природы повалил густой снег. Тера не могла этого помнить, ведь ее только что извлекли из материнского чрева при помощи кесарева сечения, но странным образом *помнила*. С этого момента что-то пошло не так. И это был знак. Существующий порядок вещей оказался нарушен: на юге, там, где росли пальмы и триста шестьдесят дней в году светило солнце, поднялась метель. И начался хаос. Это и был знак хаоса: невиданный доселе снегопад, и Тера это почувствовала. Ей надо было дождаться второго знака, чтобы окончательно в этом утвердиться.

И второй знак был ей дан...

Ближний Восток

Огромные колеса внедорожника утюжили барханы, поднимая маленькую песчаную бурю. Вкупе с дикой жарой это было похоже на конец света. Непривычный человек давно бы уже заблудился и умер от жажды, но для Биляла пустыня была родным домом. Она напоминала ему море, которое у Биляла почему-то ассоциировалось с родиной. С той стихией, которая нянчила его в своей колыбели, и из которой он появился на свет. Именно из воды, хотя настоящая родина Биляла на добрую половину состояла из песчаных барханов и мертвого камня.

Первый раз в пустыню совсем еще крохотного Биляла вывез отец. Шейх Абдулла всех своих сыновей с малолетства приучал к соколиной охоте, посвящая во все ее тонкости. Ведь соколиная охота была на Ближнем Востоке излюбленным развлечением шейхов, да и просто богатых людей. А последнее время на нее, словно на крючок, ловили туристов, охочих до всяких ярких, необычных зрелищ. Понятно, что главные деньги – это жидкое золото, которое добывают из нефтяных скважин, но и туризм доходы приносит немалые.

С туристами Билял на соколиную охоту не ездил никогда, даже если это были очень важные гости. Средний сын шейха Абдуллы вообще отличался строптивостью и какой-то дикой, необузданной независимостью. У Биляла были необычные глаза, вроде бы темные, как и у всех арабов, но если долго в них смотреть, возникало ощущение, будто они синие, как море. А скорее, чернильно-синие, словно океанские впадины, и также затягивают в бездонный водоворот. Кстати, имя Билял переводилось с арабского как «влага». И не считалось у шейхов популярным. Обычно они называли сыновей в честь пророков или героев. И вдруг: Билял.

В тот день, когда он родился, в знойной пустыне пошел проливной дождь. Это было так необычно, что мать Биляла, шейха Моза, настояла на своем. Сыну тоже надо дать необычное имя. Это будет для него знаком, и пусть, о Аллах, это будет знак удачи! Шейх Абдулла охотно потакал капризам своей любимой красавицы-жены. Билял так Билял. Все равно ему не быть правителем.

Наследным принцем считался старший сын, о чем официально и было объявлено, поэтому Билял, зная, что не имеет шансов на престол, позволял себе выходки, которые его отец откровенно не одобрял. К примеру, целыми днями пропадал в пустыне, в той ее части, которая считалась особенно опасной. Ее облюбовали для своих вылазок террористы, да еще бедуины промышляли в поисках заложников. Охота шла в основном на иностранных туристов, проявивших беспечность. Иногда Билял вплоть до самого возвращения домой не давал о себе знать, ведь в некоторых местах, которые он выбирал для своих многодневных прогулок, отсутствовала сеть. Постоянно натываясь на молчаливое неодобрение отца, принц Билял больше времени уделял спорту, чем наукам, презирал дипломатию и ненавидел заискивать перед богатыми соседями. В нем чувствовалась сила, а на Востоке, как известно, постоянно плетут интриги и строят заговоры.

Поэтому помимо воли Биляла при дворе сформировалась его партия. Наследник престола, старший сын шейха Абдуллы, принц Рашид, хоть и преуспел в дипломатии, но всегда был готов уступить пальму первенства королевской династии соседнего Эмирата. И продолжать политику миротворца, которую вел его отец. Билял же чувствовал, как в его груди подчас бушует стихия. И словно в ответ на его чувства, вокруг вздымались барханы. По пустыне пробегала волна, словно застывая у ног принца, и поднимался сильный ветер, который Биляла, впрочем, не пугал. Он только смеялся. Его, казалось, ничто не пугало.

Чтобы обуздать эту стихию, шейх Абдулла женил среднего сына на дочери члена их же династии, которая насчитывала тысячи две человек. Билял, второй страстью которого после соколиной охоты, стоящей, разумеется, на первом месте, были женщины, не стал возражать. Ведь шейх может иметь сколько угодно жен, и если для матери с отцом так уж важно родство,

пусть первой будет эта девочка Валида. Хрупкая, пугливая, с огромными, похожими на спелые финики глазами, такими же вытянутыми, уходящими к самым кончикам бровей, с сочной янтарной мякотью. Тем более, Валида исправно рожала мужу детей. У Биляла уже было двое сыновей, и его жена снова была беременна. У Рашида же, как назло, родилось три дочери. Вот странность: от любимой женщины дочери, а от нелюбимой – сыновья. Да еще сентиментальный Рашид, втайне от отца опубликовавший сборник своих стихов (под псевдонимом, разумеется) считая свою супругу единственной и неповторимой, терпеливо ждал наследника, в то время как Билял то и дело пускался в новые приключения, а его Валида покорно терпела, когда же ее обожаемый супруг, наконец, обрзумится.

Так было и сегодня. Никого не предупредив, средний сын шейха Абдуллы отправился на соколиную охоту. Азиз, его наперсник, и первый учитель, с интересом следил, как принц играет с пустыней. Одним только взглядом вызывает песчаные волны, которые также взглядом легко и останавливает. На руке у Биляла сидел белый кречет, самый дорогой из соколов и самый престижный для охоты. Чем меньше примесей в окрасе, тем дороже птица, а этот кречет был настоящим красавцем! И стоил не одну сотню тысяч долларов! Но сын шейха мог себе это позволить.

На сокола покамест был надет колпак, и птица словно дремала, пристроившись на руке у своего хозяина. Они были настолько друг к другу привязаны, что, отпустив кречета, Билял прыгал в свой джип и мчался по пустыне с бешеной скоростью, ничуть не сомневаясь, что крылатый друг его найдет, да не просто найдет, а с добычей, которую непременно принесет. Азиз прекрасно знал, что стоит принцу снять колпак, как кречет взмоет ввысь, зорко высматривая добычу, и как только увидит, со скоростью спортивного болида ринется вниз. Мгновение – и зверек бьется в острых когтях. Поистине, захватывающее зрелище!

... Они появились неожиданно. Три джипа, полные вооруженных автоматами людей. У Азиза сердце упало. Бандиты! Пронюхали каким-то образом, что сегодня в пустыне охотится принц Билял бен Халиф аль Рашид и решили взять его в заложники, с целью получения огромного выкупа! Шейх Абдулла очень богат, он и миллиона долларов за сына не пожалеет. Да что там миллион! Хоть сколько проси!

Колонна меж тем приближалась. Те, что ехали в первой машине, сняли с плеч автоматы и наставили их на принца. Мужчины были в камуфляже, с почти, что полностью закрытыми лицами. Видны были только их глаза. И взгляды автоматчиков не предвещали ничего хорошего.

«Не очень-то они похожи на грабителей», – напряженно подумал Азиз, делая принцу знак. Слишком уж усилилось в последнее время влияние партии принца Биляла при дворе. Особенно после рождения второго сына у Биляла и третьей дочери у его старшего брата Рашида. Не его ли рук дело?

– Вижу, – одними губами сказал Билял и сдернул колпак с кречета.

Дальше все развивалось настолько стремительно, что никто ничего не понял. Кроме Биляла, разумеется. Кречет взмыл над машиной хозяина и тут же ринулся камнем вниз, на водителя головного джипа надвигающейся колонны. Вцепился когтями ему в голову и ослепил. Джип потерял управление и в него врезался тот, что ехал следом. Автоматчики в кузове попадали. Кто-то не удержался и нажал на курок. Автоматная очередь вспорола бархан. Пули увязали в глубоком песке, и было больше грохота, чем дела. Кречет же преспокойно взмыл в бездонную синеву, не задетый пулей. Из-за того, что головной джип от удара развернуло, образовалась небольшая пробка.

– Не теряй времени, – крикнул Билял Азизу и прыгнул в свою машину. Наперсник принца, мысленно читая молитву о спасении, поспешил за своим господином.

Тут же другая машина, с охраной принца, развернулась и преградила путь его преследователям. Билял, закусив губу, надавил на газ. Ему было жалко своих людей. За спиной слышались автоматные очереди, теперь уже непрерывные.

– Их в три раза больше, – напряженно сказал Азиз.

– Знаю, – Билял смотрел прямо перед собой, стараясь сдержать эмоции. Откуда-то из глубины души поднималась волна. Это была волна ярости. Его люди, тщательно отобранные среди многих, люди, с которыми он был вместе вот уже с десятков лет, и которые служили ему верой и правдой сейчас гибли под пулями! Гибла личная охрана принца, без которой он чувствовал себя все равно, что голым. И Билял не выдержав, резко крутанул руль.

– Нет, – Азиз положил руку на плечо хозяина и с силой нажал. – Не надо возвращаться, мой господин. Это их работа.

– Как ты смеешь! – взвился Билял, сбрасывая его руку. – Я шейх!

– Они тебя убьют. У них приказ.

Билял вцепился в руль и, трясаясь от ярости, погнал машину вперед. Азиз прав: это их работа. Если принц останется жив, значит, они сделали ее хорошо. Ценой собственной жизни.

– А если они нас догонят? – тревожно спросил вдруг Азиз.

Билял тут же ударил по тормозам. Джип остановился.

– Что ты делаешь, господин?! – отчаянно закричал Азиз, вцепившись в принца, который собирался выйти из машины.

– Не мешай! – зарычал тот.

Азиз в ужасе закрыл глаза. Когда он их открыл, Билял стоял на вершине бархана и смотрел в ту сторону, где все еще раздавались автоматные очереди. Да, его люди свою работу делали на совесть. Но судя по тому, что выстрелы постепенно стихали, в живых никого из них почти уже не осталось. Наконец, раздался последний одиночный выстрел.

– Добили, – понял Азиз и испуганно посмотрел на принца. Тот зарычал от ярости.

А дальше началось что-то невообразимое. Билял потемневшим взглядом смотрел на небо, и горизонт постепенно тоже начинал темнеть. Принц беззвучно шевелил губами, словно призывая на помощь стихию. Только какую стихию?

И пустыня вдруг заволновалась. Барханы пришли в движение и словно ожили. Билял смотрел на них, не отрываясь, и как будто гипнотизировал. Это снова была игра, но теперь уже игра смертельная. Туда где только что стихли выстрелы, теперь надвигался смерч. Азиз опять закрыл от страха глаза. Это же песчаная буря, которая сметет не только наемных убийц, но их самих! Принца Биляла и его наперсника! Уже видно, как с той стороны, куда неотрывно смотрит сейчас Билял, надвигается многометровая стена песка. Наверняка она уже погребла под собой все четыре джипа, и те, что с наемными убийцами, и тот, который они завалили трупами защитников принца. Теперь это их братская могила.

– Аллах, помоги, – в ужасе забормотал Азиз, непослушными губами пытаясь прочесть молитву.

Билял же, на которого надвигалась эта живая стена, способная сокрушить всё и всех, не тронулся с места. Уже не видно было неба, и солнце скрылось за тучей песка. Еще мгновение, и принц будет навеки погребен в одном из барханов. Вместе со своим джипом, и, разумеется, вместе с наперсником.

– Аллах, прими мою душу, – обреченно сказал Азиз.

И в этот момент стена песка рухнула к ногам Биляла. Замерла на мгновение в воздухе, а потом словно бы потеряла опору, натолкнувшись на почти что черный, мертвый взгляд принца. И в мгновение ока стала белой пылью. Облако этой пыли осыпало Биляла с головы до ног. Он, словно бы весь вывалившийся в муке, стоял и мрачно улыбался. Потому что над его головой снова сияло солнце.

– Пустыня – это такое же море, Азиз, – сказал он, стряхивая белую пыль со своего бурнуса.

«Какой странный песок», – невольно подумал его наперсник. «Он совсем не похож на песок пустыни. Скорее на морской. Белый, как мука, и удивительно мелкий. Интересно, откуда он здесь?»

Азиз, взяв горсть песка, процедил его сквозь пальцы и почувствовал, как между указательным и средним застряло что-то острое и твердое. К его огромному удивлению, это был осколок раковины. Хотя, от ближайшего пляжа их отделяли сотни километров! Азиз тайком сунул находку в карман.

– Ну что, пришел в себя? – оскалил белоснежные зубы принц Билял. – Тогда поехали!

– Куда, мой господин? – Азиз тяжело вздохнул. – Мы, похоже, заблудились. И связи нет, – он показал принцу мобильник, на дисплее которого красовался красноречивый значок: сеть отсутствует. – Нас не скоро хватятся, а даже если и хватятся. Все давно привыкли к нашим долгим отлучкам.

– И кто-то этим воспользовался, – мрачно сказал Билял.

– Теперь мы погибнем от голода и жажды, – запричитал Азиз. – И бензин когда-нибудь кончится. И побредем мы пешком. Только куда?

– Вода там, – Билял указал рукой на восток.

Это была еще одна странность принца. Он удивительным образом чувствовал воду. Всегда. Если Билял говорит: «тут есть вода», смело можно было копать колодец, даже если вокруг была, лишь сплошная унылая пустыня, без единой тени от пальмы. Ни один голодный и изнывающий от жажды верблюд не чувствовал воду так, как чувствовал ее шейх Билял бен Халиф аль Рашид. По этому поводу при дворе шейха Абдуллы даже пытались шутить. Не был ли верблюд прародителем правящей династии?

Вот и сейчас Азиз не стал спорить с принцем. Они ехали на восток вот уже с полчаса, когда над их головами появилась крылатая тень.

– А вот и еда, – улыбнулся принц.

– Как ему удалось выжить? – пробормотал Азиз, глядя на белоснежного кречета и сжимая в кармане осколок раковины.

Билял лишь усмехнулся. Стихия, которая ему повинуется, не тронет его друзей. Кречет не просто вернулся, а с добычей. Потому и припоздился, что не считал себя вправе вернуться к хозяину, не порадовав его.

– Поистине ты, мой господин, заслужил быть наследником трона больше, чем твой брат Рашид, – с чувством сказал Азиз.

– Как видишь, мой брат вовсе не такой уж и мягкотелый, – напомнил ему Билял. – Интересно, ему пришлось в голову убить меня в перерыве между двумя сонетами? – мрачно пошутил он.

Азиз взгляделся вдаль и, приложив ладонь козырьком к слезящимся от песка и солнца глазам, пробормотал:

– Или это мираж или оазис, мой господин.

– Наконец-то заметил! – рассмеялся Билял. – Стареешь, Азиз.

Это и впрямь был оазис. Билял почувствовал его, чуть ли не за десять километров. Точнее, не его, а воду. Оазис был крошечным, тем не менее, единственный житель его процветал. Сначала Билял подумал, что старик живет здесь один. Он да верблюды, да отара откормленных овец. Финиковые пальмы дают ему спасительную тень и обильный урожай, а проезжающие мимо туристы или охотники – деньги за приют и занимательные рассказы. А заодно и за возможность освежиться после утомительной гонки по знойной пустыне.

Отметил Билял и спутниковую антенну на крыше единственного дома. А еще баки с горючим.

– Слава Аллаху, спасены! – прослезился Азиз.

– Вызывай личную охрану отца, – велел ему Билял. – Больше я никому не доверяю. И пусть пока матери ничего не говорят.

К нему, почтительно семеня, спешил хозяин оазиса. Наметанный взгляд старика уже определил: гость важный, такие привыкли повелевать, ибо денег у них куры не клюют.

– Я вижу, вы с соколиной охоты, – мгновенно оценил старик белого кречета. И почтительно склонился.

– Охота была неудачной, – поморщился Билял. – Могу я купить у тебя немного еды и бензина для моей машины и отдохнуть до приезда моих людей?

Старик замялся, косясь на дом.

– В чем дело? – вскинул брови принц. – Или я, шейх Билял бен Халиф аль Рашид не достоин твоего жилища?

Старик склонился еще ниже, но посторониться, чтобы пропустить важного гостя в дом явно не спешил. Билял начал терять терпение.

– Золото ты там, что ли прячешь? Ну, так я покупаю все твое золото! Дай же мне воды!

Он увидел, как в дверном проеме мелькнул силуэт, напоминающий принцу Билялу... О, небо! Да это ведь женщина! И женщина красивая, судя по ее фигуре. Билял хищным взглядом впился в дверной проем.

Подбородок у старика задрожал. Шейхи, известные любители женщин, причем, не привыкли к отказу. Кто знает, сколько уже дней этот сиятельный красавец бродит по пустыне? А где-то за сотни километров его ждет тоскующий гарем.

– Веди же меня в дом! – велел Билял. И нетерпеливо добавил: – Я заплачу.

Что-то, бормоча себе под нос и то и дело спотыкаясь, старик побрел к дому, явно никуда не торопясь. Стройный девичий силуэт мелькнул и тут же исчез.

«Она спряталась», – догадался Билял. Ему уже не терпелось увидеть добычу.

– Неужели ты живешь здесь один, почтенный... не знаю твоего имени, – льстиво спросил он. Владелец такого сокровища все равно, что хранитель заветного клада. Надо быть со стариком поласковее, чтобы расщедрился на ключ от сундука.

– Нияз, – неохотно сказал старик. – Меня зовут Нияз.

– А ее, – кивнул Билял на комнату, где скрылась девушка. – Ее как зовут?

– Не трогай ее, господин, – заныл старик. – Она еще ребенок.

– Что мы, в средневековье живем, – рассердился Билял. – Против ее воли никто с ней ничего не сделает.

«Против ее воли», – уныло подумал старик. «Девочка сохнет тут от тоски. И вдруг появляется смуглый синеглазый красавец, да еще и принц! Как тут ей устоять?»

– Позови ее, – велел Билял. – На стол должна накрывать женщина. Не мужское это дело.

– Бара, – крикнул старик. Голос его был хриплым от волнения. – Иди, помоги господину умыться.

– И в самом деле, у меня все лицо и волосы в песке, – рассмеялся Билял. – Скажи, почтенный Нияз, песчаная буря вас не накрыла?

– Аллах миловал, – уныло вздохнул старик.

В прохладную комнату тенью скользнула Бара. Она была в хиджабе, как и положено мусульманке, и в подобающей одежде. В лицо мужчинам не смотрела, за стол не садилась. Упаси Аллах! Билял жадно следил за ее плавными, хотя порою еще неловкими движениями, как у подростка. Она пока не вполне управляла своим телом, хотя тело это уже созрело. Девушка оказалась редкой красавицей, даже принц Билял, известный знаток и любитель женщин, был поражен.

«Цветок пустыни», – невольно улыбнулся он. «Бара... Невинность, – вот что означает ее имя. Действительно, невинность. В столице таких уже нее встретишь». Он невольно заволно-

вался. И вдруг девушка тайком от отца подняла взгляд и жадно взглянула на молодого мужчину. Мгновение – и она прикрыла глаза огромными мохнатыми ресницами. Но красоту ее глаз принц успел оценить, равно как и любопытство. «Все-таки, избаловали красавицу вниманием туристы!» – весело подумал Билял. «Не так уж она и робка».

Азиз, заметивший интерес принца и ответную симпатию девушки, приуныл. Старик так просто не сдастся, не похоже, что он падок на деньги.

– Она твоя дочь, почтенный? – тихо спросил он.

– Внучка. Помогает мне иногда. Вот принесла нелегкая! – в сердцах сказал Нияз, кивнув на принца, увлеченного явно не обедом.

– Мой господин очень богат, – вздохнул Азиз. И некстати добавил: – У него уже есть жена и двое сыновей.

Старик еще больше помрачнел. Эх, если бы они и в самом деле жили в средневековье! А то ведь, у каждого в кармане Интернет! У принца уж точно. Да еще, небось, телефон золотой, инкрустированный бриллиантами. Они, шейхи, славятся своими причудами.

– Пожалуй, простишь с ней, Нияз, – фамильярно сказал Азиз, кивнув на Бару.

«Тело человека на шестьдесят процентов состоит из воды», – невольно подумал он. «А женщина из слез. Принцу Билялу не надо прибегать к насилию, чтобы получить любую. Один Аллах знает, что Билял с ними делает, раз они его так любят. Человек, способный вызвать в пустыню морской берег, и поставить его на дыбы, легко может собрать и все слезы мира. И пролить над своей головой дождь печали. А сердце женщины не камень, чтобы не откликнуться на нее. Эта девушка теперь последует за принцем туда, куда он ее позовет».

– Я женюсь на ней, – горячо сказал Билял, когда они покидали оазис. – Куплю ей дворец, она станет матерью моих сыновей.

– О том ли нам надо сейчас думать, мой господин? – тяжело вздохнул Азиз.

Он уже знал: шейха Валида сопернице не обрадуется. Первая жена Биляла знатного рода, она пользуется покровительством правителя и его сиятельной супруги, у нее многочисленная богатая родня. А эта Бара... Приблудная, да еще и нищая. По сравнению с Валидой, конечно. Ох, что-то будет!

Шейх Абдулла встретил их на пути к столице. Два джипа, окруженные многочисленной охраной, остановились друг против друга, посреди пустыни. Два белоснежных развевающихся на ветру бурнуса стремительно шагнули друг другу навстречу. Отец раскрыл объятия и взволнованно прижал сына к своей груди.

– Что случилось? – посмотрел он прямо в глаза Билялу.

– Скажи отец, если Аллах сделал свой выбор, можем ли мы противиться ему?

– О чем ты говоришь?

– Аллах посылает мне сыновей, а моему брату Рашиду одних только дочерей. Не значит ли это, что Аллах сделал свой выбор? Но брат Рашид противится этому и подсылает ко мне наемных убийц!

– Я тебе не верю, – нахмурился шейх.

– Тогда найди моих людей среди живых! Иди – найди их. И найди Рашида. И спроси его: где мои люди? И где, по его мнению, сейчас нахожусь я?

– У него сейчас важные переговоры.

– Вот как? Я знаю, ты возлагаешь на него большие надежды. Только твои надежды напрасны, отец. Сегодня Аллах отвернулся от моего брата совсем.

... О том, что ужин будет семейным, принцу Рашиду не сказали. Увидев в комнате помимо отца своего среднего брата и его беременную жену, Рашид словно оступился. И заметно смутился. Его жена тоже была среди гостей.

– Удивлен, что я еще жив? – усмехнулся Билял.

Шейх Абдулла сделал выразительный жест рукой. Не твое слово, а мое, по праву повелителя. Старшему сыну во время всего ужина шейх Абдулла не задал ни одного вопроса. Просто смотрел на братьев, словно сравнивая их. Разговор с Рашидом состоялся на следующий день, с глазу на глаз.

А через неделю принц Рашид подписал официальный отказ от титула наследника престола в пользу своего брата Биляла.

Китай

«Нас, китайцев, слишком уж много», – привычно подумал Гуанг, когда ему сказали, что мест в отеле нет. Он давно уже привык к отказам.

Ему не повезло с самого рождения. В семье уже был ребенок, разумеется, сын. И второго никто не ждал, да и законом это было запрещено. Мать Гуанга замешкалась сделать аборт, все собирала деньги, да так и не собрала, поэтому ей пришлось уехать к родне, в глухую деревню. Там-то и родился Гуанг Чао. Там же его и забыли на долгие годы. Неизвестно чьим сыном, просто потому, что далеко не каждый житель этих мест умел считать и писать.

С раннего детства Гуанг привык обходиться малым, особенно это касалось еды. Горстка риса – больше ему за день редко выпадало. Болезненная худоба осталась у Гуанга на всю жизнь, даже тогда, когда он выбился из нищеты и стал преуспевающим бизнесменом.

– А что вы хотели? – усмеялся он, в ответ на вопрос, как ему это удалось. – В тот день, когда я родился, на бирже случился грандиозный обвал. Думаю, это знак.

Это Гуанг узнал потом, когда жадно стал интересоваться не только экономикой, но и историей. Знания давались ему удивительно легко. Его имя вообще означало: самый легкий, или Гуанг.

Да, его рождение было ознаменовано биржевой паникой, которую на финансовом рынке смело можно было приравнять к концу света. Что-то невообразимое творилось с акциями ведущих компаний, брокеры просто хватались за голову. Цифры скакали, будто в лихорадке, причем, никто не мог объяснить причину. В один момент все вдруг решали: покупаю! А еще через минуту: нет, продаю! Никто не в силах был справиться со своими эмоциями. Логика в действиях людей полностью отсутствовала, а мониторы взбесились, путая цифры, будто биржу атаковал невиданный доселе вирус.

На следующий день все успокоилось. А в убогой колыбели, где до него вынянчили не один десяток таких же полунищих оборванцев, запищал и завозился мальчик Гуанг. Гуанг Чао.

В Шанхай он добирался с месяц. Денег не было, приходилось добывать их, чем только придется, даже воровством. Но Гуанг ничем не гнушался, у него вообще не было никаких принципов и, похоже, никаких чувств. Их все буквально вытравила из души и сердца жуткая нищета, в которой он вырос. Доброта, сострадание, любовь к ближнему своему? Это вы о чем? Где они, эти ближние? И почему норовят отобрать даже ту жалкую горстку риса, которая причитается Гуангу Чао, а не дать ему еще две? Что ж, китайцев на земле слишком уж много. И огромная их часть, в том числе и Гуанг, прозябает в беспросветной нищете. Эта нищета закалила его характер, сделала злым и цепким, а порою даже жестоким. В бизнесе нет места слабым, тем более, в такой стране, как перенаселенный Китай.

«Нас, китайцев, слишком уж много», – подумал Гуанг, когда узнал, что его родину смыло с лица земли чудовищное наводнение. Вместе со всеми домами и их жителями. Какие-то двести тысяч. Кто будет плакать по этим почти безграмотным, полунищим оборванцам? Какая от них польза? Разве что их много.

Сам он к тому времени уже обосновался в Шанхае. Начал с разносчика газет, потом пристроился посыльным в крупную фирму и посчитал это большой удачей. Дальше приемной его не пускали, и он с жадностью смотрел на двери кабинетов, за которыми сидели большие люди, офисные менеджеры. «Придет когда-нибудь и мой час», – думал при этом Гуанг, принимая очередной конверт или сверток.

По ночам мыл посуду в дешевом ресторанчике, мел грязные заплесанные полы, жил в такой конуре, что потом не мог вспоминать о ней без содрогания. Хорошо, что еды ему требовалось мало. А что касается одежды... Да, зимой приходилось нелегко, однажды, во время сильного снегопада Гуанг едва не замерз. Его спасло только чудо. Сердобольный прохожий,

споткнувшись о лежащее посреди мостовой почти невесомое тело, почему-то задержался, и, подняв, Гуанга, на пару ночей приютил его у себя. Самых морозных и снежных.

Шанхай он поначалу возненавидел. Вот где гигантское количество китайцев прямо-таки бросалось в глаза! Огромный мегаполис был явно перенаселен, чтобы выбиться здесь в люди, надо было обладать неординарными способностями и поймать шальную удачу. Видимо, способности у Гуанга были, да и удача не обходила его стороной. Вспомнить ту страшную ночь, когда он едва не замерз! Нашелся же добрый человек, который приютил и согрел.

Нашелся и работодатель, который оценил старания Гуанга, а в особенности его трудолюбие и отсутствие принципов. Непонятно, чем именно Гуанг зацепил господина Лао. Какой-то посыльный, быть может, более старательный, чем все остальные, и более ответственный. И, разумеется, более быстрый, потому что Гуанг все ловил на лету. Он перемещался по городу с удивительной скоростью, и, казалось, никогда не уставал. И господин Лао выделил его из общей массы, приблизил к себе.

Спустя годы, когда Гуанг разорил фирму Лао, тот, размазывая слезы по жирным дрожащим щекам, пытался взывать к чувствам мистера Чао:

– Ты ведь был мне как сын. Я поднял тебя из грязи, доверял тебе.

– А не надо было, – мстительно сказал Гуанг и выставил господина Лао за дверь. Бывшего господина.

Когда тот застрелился, Гуанг пожал плечами и сказал:

– Как глупо. У него оставалось достаточно денег, чтобы до конца жизни покупать себе каждый день горстку риса. Поистине, люди с хорошим аппетитом живут меньше. Надо это запомнить.

И все. На похороны бывшего господина Лао и бывшего своего покровителя мистер Чао не дал ни юаня.

До определенного момента у Гуанга еще оставались какие-то чувства. Но в тот момент, когда он разорял Лао, все уже прошло.

... Они познакомились на пляже, когда Гуанг наконец-то позволил себе отпуск и полетел на остров Хайнань. Хотя, познакомились – это неверно сказано. Девушка утонула. Во всяком случае, так сказали все, когда она, бездыханная, лежала на песке. Кроме Гуанга, который буквально навис над ней и принялся с энтузиазмом делать искусственное дыхание.

– Бесполезно, – сказал кто-то за его спиной.

Но Гуанг неумолимо давил мертвой девушке на грудь и дышал рот в рот. Потом кто-то сказал с огромным удивлением:

– Господи, откуда в нем столько воздуха?!

Да, это было одно из удивительных свойств Гуанга. Он нырял так глубоко, что вполне мог заработать кучу денег, устроившись ловцом жемчуга. Если бы море, полное жемчуга, было где-нибудь поблизости. Гуанг бесконечно долго мог пробыть под водой, несмотря на то, что его легкие не могли похвастаться своим объемом. Прикрытые тощей грудной клеткой, они, казалось, и не работали вовсе, когда он дышал. Воздух в Гуанге брался из какого-то другого источника, и, похоже, что извне. А легкие... Они были ему вообще не нужны. И грудь мертвой девушки он наполнил не своим дыханием, а просто вернул ее в окружающую среду. Которая, как известно, в большинстве своем состоит из смеси азота и кислорода. Вот что влил Гуанг в мертвые легкие, буквально-таки насильно.

И девушка ожила. Когда она открыла глаза, Гуанг и увидел, что девушка очень красивая. У нее удивительная кожа, гладкая, ровная, и такая светлая, словно на нее потрачены тонны отбеливающего крема. Хотя это вовсе не крем, а природная красота. А уж глаза... В глазах красавицы несчастный Гуанг просто утонул.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Ты спас мне жизнь.

Если бы она об этом помнила! Гуанг справедливо считал, что Джия его собственность, раз он вернул ее с того света. Вернул для себя, а вовсе не для того мужчины, за которого Джия собралась замуж.

«Нас, китайцев, слишком уж много, всегда найдется кто-то, кому жениться на такой красавице уже по карману», – зло думал Гуанг, слушая ее восторженный лепет. Ах, какое свадебное платье купили Джие родители жениха! Они такие богатые, что заплатили за все! И за кольца! И за пышную свадебную церемонию! И за чудесное путешествие молодых на райские острова!

– Ты ведь рад за меня, Гуанг? – с надеждой заглядывала ему в глаза Джия. – Ты ведь мой лучший друг, правда?

«Я тебе не друг», – все больше злился Гуанг. «Я по тебе с ума схожу. Ты для меня все».

Но он был еще только в самом начале своей карьеры. И еще не чувствовал биржу, лишь начал понимать, что эти скачущие цифры ему подвластны. Но управлять ими Гуанг Чао еще не научился. Это пришло потом, гораздо позже, когда Джия уже была не только чужой женой, но и матерью. Увы, сына другого мужчины, не Гуанга Чао. Который тоже мечтал о сыне.

Гуанг потерял ее навсегда. Он мог бы размазать ее мужа по стенке, когда стал преуспевающим бизнесменом, а потом и медиамагнатом. Мог уничтожить, заставить покончить с собой, как бывшего господина Лао. Но Гуанг не стал этого делать. Он просто вычеркнул женщин из своей жизни, раз и навсегда решив, что все они предательницы. И переехал в Гонконг, подальше от Джии и ее семьи. После чего запер свое сердце на ключ, который утопил в самой глубокой океанской впадине. Так, чтобы больше никто не смог его оттуда достать. Никогда.

А сам воспарил ввысь. С тех пор, как Гуанга предала Джия, его полюбила другая женщина, Фортуна. Или Гуанг Чао просто повзрослел. Чем старше он становился, тем проще ему было управлять своим даром. Идеи ведь витают в воздухе, а слух у Гуанга был поистине феноменальный. Все эти идеи словно проходят через него, через его сознание, непрерывным потоком, ему остается только выбрать самые перспективные. В отличие от других людей, он слышал все, и он, единственный, владел всей полнотой информации. А уж заработать на этом деньги было делом техники. Он и заработал.

Разумеется, Гуанг не мог не задуматься над тем, откуда у него такие феноменальные способности? Уж точно не от родителей, которые забыли о нем тотчас после его рождения, и которых сам Гуанг тоже предпочел забыть. Он не просто так просиживал часами в библиотеках, плотая пыль веков, а потом, когда разбогател, стал скупать редкие книги и манускрипты, в основном, старинные. И тщательно изучив их, многое понял. Но знания свои, равно как и мысли о сотворении мира и его устройстве, Гуанг Чао предпочитал держать в тайне.

До того момента, пока не получил знак.

Это был существенный щелчок по носу, а главное, впервые. Его, Гуанга Чао, переиграли! И где! На бирже! Там, где он давно уже хозяин! У него украли идею! Идею, которую он уже считал своей! Увели из-под носа. И устроили на бирже настоящий обвал. Гуанг срочно навел справки: кто? Оказалось, конкурент живет в далекой и таинственной России. Тот, кто читает людей также легко, как и сам Гуанг Чао и владеет, похоже, всей полнотой информации. Вопрос в том, что этот человек знает, и знает ли? О себе, о том, откуда у него такие способности?

И Гуанг, не долго, думая, и никого не ставя в известность, рванул в Москву. Первым неприятным сюрпризом стало то, что мест в лучшей гостинице не оказалось.

«Вас, китайцев так много, и все вы на одно лицо», – прочитал Гуанг во взгляде у скучающего ночного администратора. Да, отель полон. Летом наплыв гостей, все хотят посмотреть на Кремль и Собор Василия Блаженного. Попробуйте устроиться в другую гостиницу мистер Чао. Я вам с удовольствием помогу, сделаю пару звонков. А вот и номер нашелся! Не сомневайтесь, конечно, люкс! Само собой, президентский! Странно, что такой богатый человек путешествует без охраны и личного секретаря.

«На кой они мне нужны, особенно охрана?» – со злостью посмотрел Гуанг на портье. «Я могу стереть пренебрежение с твоего лица одним лишь жестом. Ты еще не знаешь, какая сила таится в этом тщедушном теле! Неохота тратить ее на муравья».

– Буквально через пять минут за вами приедет такси.

Гуанг Чао, нервничая, стоял у подъезда в ожидании машины. Он пока не мог понять, что за стихия идет на него? Да, ему положено с ней объединиться, вроде как у них братство. Братство Четырех Стихий. Но зачем играть против старшего брата на бирже?

Да, Гуанг считал себя старшим.

«В конце концов, должна прийти и моя очередь. И мне решать, что будет дальше со всеми нами и с этой планетой», – напряженно думал он.

Судя по тому, что «братья» еще не объявились, они не в курсе того, что именно происходит. Значит, у него, у Гуанга Чао есть фора. И достаточно времени. Он вовсе не собирается кидаться в объятия кому бы то ни было. А вот как извлечь из своих знаний выгоду? Об этом надо подумать...

Россия

– Привет, Борька! – и она наградила парня горячим поцелуем. Настолько горячим, что Борис тут же потребовал продолжения.

Только что он обвалил курс, а потом снова поднял, и заработал на этом пару миллионов долларов. Сам бы Борис до этого никогда не додумался, до встречи с Аллой его занимали только компьютерные игры. Но Алла внушила ему, что он может гораздо больше. Такой поистине гениальный программист увлечен игрушками! Как глупо! Надо взламывать банковские сайты и сеять панику на бирже!

И Борис загорелся идеей. А сегодня разбогател на этом.

– А слабо тебе обвалить китайскую биржу? – спросила Алла после того, как они отдышались.

Эта женщина словно огонь! Так и жжет своими ласками!

– А почему именно китайскую? – вяло спросил он.

Два миллиона долларов! Теперь можно жить припеваючи! Он готов тут же повезти свою красавицу на Мальдивы, закупить ей кучу мехов и бриллиантов. Все, что она только пожелает. И просто наслаждаться жизнью. Но такова Алла. Ей всегда мало. Она не может просто жить, ей надо гореть.

Что ж, Алла родилась в то лето, когда под Москвой бушевали невиданные пожары. Сначала задымились торфяники, а потом вспыхнули и леса. В огромном мегаполисе пахло гарью, люди задыхались от дыма и дикой жары. Во время родов мать Аллы видела в окно больницы языки пламени. Слава богу, пригород, в котором находился роддом, отстояли! А новорожденную дочь женщина назвала Аллой. В честь алого пламени, на которое, крича от дикой боли, глядела, не отрываясь. И которое словно бы помогало ей рожать. Потом оказалось, что одно из толкований имени Алла – столб света.

Об этом смеясь, рассказывала сама Алла. Почему смеясь? А она, казалось, вообще не умела плакать.

– Во мне нет ни капли воды, – шутила она. – Только огонь.

В самом деле, глаза ее оставались сухими даже во время похорон матери. Что касается отца, в этой графе в свидетельстве о рождении стоял красноречивый прочерк. Сама Алла именovala себя Ивановной. А статьи в журналах подписывала без отчества: Алла Лаврова. А зачем журналисту отчество?

Дома как такого у нее не было. Алла Лаврова постоянно была в разъездах. И постоянного любовника тоже не было. Вообще ничего постоянного. Бориса она держала при себе для дела. Кто еще мог так быстро зажечь биржу? Или сотворить «пожар» в одном из крупнейших банков, взломав его сайт?

Да и зачем ей постоянный мужчина, если сама она все время в горячих точках? Там где стреляют, взрывают, или там, где начинается революция. Где вот-вот готово вспыхнуть ее пламя. Алла чувствовала это чуть ли не за год до начала событий. И неизменно оказывалась в самом интересном месте. Там, где особенно горячо. Это удивительное свойство очень помогало ей делать карьеру.

– Уж Лаврова-то знает, куда напросить в командировку! – качали головой в редакции, узнав о том, что очередной выпуск новостей с Аллой Лавровой побил все рекорды и получил сумасшедший рейтинг.

Надо сказать, что денег со своего гениального чутья Алла почти не имела, они ее вообще интересовали мало. Деньги – этот привязанность к чему-то. Надо покупать дом, обставляться, проводить там много времени. А напряжение в мире, меж тем растет. Горит все чаще, и пожары

эти все сильнее. Аллу туда так и тянет. Словно бы она питается не едой, как все нормальные люди, а огнем.

Сейчас, когда она вернулась из очередной командировки, Борис предложил ей в качестве жилья свою дачу. А дача у него была солидная, отстроенная родителями-профессорами, которые временно работали за границей, читали лекции и проводили там какие-то исследования. Алла с комфортом разместилась в спальне на втором этаже. О будущем она не думала. Таким, как она, не нужна семья. Слишком уж Алла... как бы это сказать? Странная.

Человек-факел. Ему все время надо для кого-то или для чего-то гореть, вести за собой, взрывать своим присутствием тишину, распространять крамольные идеи. Какая уж тут семья! Какие дети! Не говоря уже о других странностях.

Борис каждый раз с удивлением смотрел, как Алла разжигает камин. С одной спички, даже когда Борис в качестве эксперимента подкладывал в очаг сырые дрова. А один раз даже нарочно полил их водой. И все равно загорелись! С одной спички!

– Это у меня с детства, – сказала как-то Алла, задумчиво глядя на огонь. – Я ведь выросла в деревне. Зимой мы с друзьями катались на лыжах в лесу, и меня охотно брали в любую компанию, даже те, кто был намного старше. За то, что я в любой мороз и снегопад с одной спички зажигала костер. Даже в самом глубоком и влажном снегу. И под дождем у меня это легко получалось. Странно, да?

Если бы только это! Больше всего Бориса злило, что он спит буквально на самом краешке кровати. А кровать, между прочим, огромная! Скажите на милость, зачем хрупкой женщине столько места?! Как бы они не ложились, под утро она все равно оттесняет Бориса на край, а сама занимает две трети!

Однажды он в шутку перевалился через Аллу и улегся на ее половине, а точнее, на трети кровати. И Алла вдруг разозлилась. Еще никогда Борис не видел ее *такой*. Ему даже показалось, что его лицо – один сплошной ожог, таким взглядом наградила его Алла. И он тут же вскочил, как ошпаренный.

– Туда нельзя, – тихо, но твердо сказала она.

– Господи, да почему?! – потер он пылающие щеки.

– Там крылья.

– Чего?!

– Они там спят, – серьезно сказала Алла.

Ему вдруг показалось, что она сумасшедшая. Какие еще крылья?! Это кто там, интересно, спит?! Он тупо смотрел на пустую кровать и думал, что от этой женщины надо бежать, как от огня. И от ее якобы крыльев. Сумасшедшая!

Но потом он смирился с этим, слишком уж Алла была хороша. И даже как-то спросил в шутку, кивнув на пустую кровать за спиной у Аллы:

– Почесать?

– Что?

– Крылья.

– А, это... Ну, почеси.

И он поскреб указательным пальцем белую простыню.

– Вообще-то они не чешутся, – насмешливо сказала Алла.

– А что они делают?

– Здесь – ничего. А вообще, как и положено крыльям, летают.

– Выходит, ты – ангел?

– Ну да. Ангел Огня. А ты разве еще не понял?

Вот такая странная женщина попросила Бориса обвалить китайскую биржу. И он сначала отказался. Но Алла умела добиваться своего.

– Они там, в Китае, зажирели, – смеясь, сказала она. – Такое ощущение, что туда сейчас стекаются все деньги мира.

– Тебе-то что? – хмуро спросил Борис.

– А мне это не нравится! В этом есть что-то ненормальное. Их биржа, словно черная дыра. Существующий порядок вещей нарушен. Потому что деньги должны распределяться равномерно.

– Ты что, финансист? – еще больше разозлился Борис.

– Нет, но мне это не нравится, – твердо повторила Алла.

И он сделал то, что она просила, даже не догадываясь о последствиях. Странная женщина со странными же просьбами. Ну что ей за дело до китайской биржи? Равно как и до американской. Борис до последнего, кстати, не верил, что у него получится. Но нужные коды словно бы сами собой возникали у него в голове. А пальцы также сами собой забегали по клавиатуре. Он смотрел на мелькающие на дисплее цифры и хмурился. Творилось что-то невообразимое! Он, Борис Наумов, обвалил китайскую биржу! Да еще и спер гениальную идею. Купил под конец игры акции компании, которая буквально на следующий же день начала бурно развиваться. И удушила конкурентов.

Алла смеялась:

– То, что надо!

Сама она не взяла из этих денег ни доллара. Равнодушно сказала:

– Мне это не надо. А ты потом все продашь. Когда я скажу. Все акции.

– А чего тебе надо? – в упор посмотрел на нее Борис. Продашь, когда я скажу! Как же! Это уже миллиарды! С ними надо бежать, куда подальше, покупать остров в океане и всю оставшуюся жизнь наслаждаться бездельем!

– Я и сама пока не знаю, чего хочу. У меня нет на этот счет никаких идей. А у тебя?

– У меня тоже, – поспешно отвел он глаза.

– Не вздумай, – тихо сказала Алла. – Эти деньги не твои. И не мои. Они нужны для Порядка. Чтобы гасить огонь там, где особенно горячо. Если ты меня предашь, я найду другого помощника. А ты все равно все отдашь. Не знаю как, но я это сделаю.

Борис покрылся холодным потом от страха. Черт их знает, этих Ангелов! Тем более, это Ангел Огня. Еще испепелит взглядом. Пока Борис за Аллой Лавровой таких способностей не замечал, но и прогнать ее еще не успел. Он давно уже понял: вместе они не останутся. Алла получила все, что хотела. Потом она найдет кого-нибудь другого. Еще одного гениального программиста. Бог знает, как она их находит?

«Мне нечем ее удержать», – отчаянно думал Борис, глядя, как Алла расчесывает свои длинные светлые волосы. А глаза у нее необычные. Карие, но такого редкого оттенка, будто вместо зрачков – огоньки. И по радужке разливается отсвет пламени. Когда она смотрит в упор, начинают гореть щеки.

Словно в ответ на его мысли, Алла обернулась и сказала:

– Мне надо уехать.

– Куда?

– В Тунис.

– Но почему в Тунис?

– Кажется, там собираются взять заложников.

– Ты-то откуда знаешь?

– Будет взрыв, – невозмутимо сказала Алла. – И в небо поднимется столб огня. Я должна это остановить.

– Погасить огонь? – с иронией спросил он.

– Думаешь, мне это не под силу? – также с иронией парировала Алла. – Заодно отдохну от трудов праведных. Говорят, там замечательные пляжи.

– Надеюсь, из Туниса ты вернешься сюда? – хмуро спросил он.

– Надейся, – насмешливо сказала Алла и неторопливо стала одеваться, словно давая ему себя, как следует, рассмотреть.

«Фото на память», – уныло подумал он. «В самом деле, что ли ай-фон взять?»

Алла была так хороша! Стройная блондинка все при ней. А уж волосы! Поистине роскошные! Неужели все ангелы такие красивые? А какие еще, интересно, есть? Ангел Воздуха? Или Ангел Воды? Нет, все это чушь! Фантазии сумасшедшей!

– Можешь проводить меня в аэропорт, – великодушно разрешила Алла.

– А поехать с тобой в Тунис?

– Нет, – отрезала она.

... Он все увидел по телевизору.

– Репортаж с места событий. В столице Туниса захвачены заложники. Информация поступает противоречивая, количество людей, захваченных террористами неизвестно, равно как и число погибших в результате взрыва, но по счастливой случайности там оказался наш корреспондент Алла Лаврова, которая прибыла в Тунис на отдых. И очутилась вдруг прямо в гуще событий. Так что мы с вами можем все узнать из первых рук...

«Ага! По счастливой случайности!»

Борис увидел горящий дом. Похоже, что это отель. Огромный столб огня поднимался в небо. С пламенем тщечно бились пожарные, кто-то истерически рыдал, кто-то отчаянно кричал:

– Помогите! Ради бога, помогите! Спасите мою дочь!

Алла Лаврова держала перед собой микрофон и смотрела на огонь. Кажется, она что-то говорила. Но слова не имели значения, потому что главное происходило там, куда она смотрела. С огнем явно что-то творилось. Он вдруг повел себя странно и вопреки всем законам природы. Качнулся в сторону молодой женщины с микрофоном, словно кобра к заклинателю змей. И так же, как умиротворенная своим хозяином змея, стал мягко и плавно, покачиваясь на ветру, ложиться обратно в корзину, подбирая огромный хвост.

Алла протянула в его сторону руку и словно бы успокаивающе погладила. После чего сказала:

– Как видите, пожарным удалось справиться с огнем.

Вскоре из уцелевшей части отеля выводили обезумевших от страха заложников, которые мысленно уже расстались жизнью. Кто-то бормотал молитвы, кто-то рыдал от счастья. Пораженные необычным поведением огня террористы уже не сопротивлялись сотрудникам полиции.

– Говорят, сработало только одно взрывное устройство, – сказали потом в вечерних новостях. – А всего терактов было запланировано три. Два остальных пояса шахидов почему-то не взорвались, и это похоже на чудо. Потому что террористы-смертники успели привести эти взрывные устройства в действие...

Борис тут же позвонил Алле и насмешливо сказал:

– Поздравляю. Ты это сделала.

– Я тебе ничего не говорила, – быстро ответила она. – Все это лишь случайное совпадение, понял?

И дала отбой.

Позвонила она только для того, чтобы сказать, что еще дней на десять задержится в Тунисе. Поваляться на пляже и поплавать в соленой морской водичке.

– Что, в мире по-прежнему неспокойно? – поинтересовался он. – Хочешь предотвратить очередной пожар?

– Мировой пожар мне в одиночку предотвратить не под силу, – серьезно сказала Алла. – Лишь ликвидировать отдельные его очаги. Я знаю, что почему-то должна оставаться в Тунисе. И это не связано с огнем.

– Ну и оставайся, – буркнул Борис и на этот раз сам дал отбой.

Но буквально на следующий день сильно пожалел о том, что рядом с ним нет Аллы. Заклинательница огня очень бы пригодилась. Потому что человек, который пришел к Борису Наумову, обладал такой огромной силой, что противостоять ему могла лишь такая же сила.

Вашингтон

С самого утра, запивая за ранним завтраком яичницу с беконом крепким кофе, сенатор Тера Батлер заметно волновалась, потому что срывалась важная встреча. В Вашингтоне ждали человека, чье влияние на Ближнем Востоке стремительно росло. Шейха Биляла бен Халифа аль Рашида. Совсем еще недавно молодой принц был всего лишь средним сыном одного из шейхов, причем, отец Биляла аль Рашида особого влияния на Ближнем Востоке не имел, поскольку вел умеренную политику и всегда смотрел в рот своим более богатым соседям. Явно искал их покровительства.

После того, как его старший сын официально отказался от титула наследника престола, все вдруг изменилось. Тот, кто пришел на его место, шейх Билял аль Рашид, каким-то образом умел подчинять себе людей. О нем говорили разное, но всегда с уважением. Мол, опасен, непредсказуем, большой любитель женщин, отличный наездник и спортсмен, а в последнее время преуспел и в дипломатии. И в то же время принц еще так молод!

Недавно отец назначил его министром обороны. И вот Билял бен Халиф аль Рашид летит в Вашингтон. Визит этот полуофициальный, принц якобы хочет ликвидировать пробелы в своем образовании, поскольку он теперь наследник, а заодно отшлифовать свой английский. Личный секретарь его высочества сказал по телефону, что его господина сильно беспокоит акцент. В Вашингтоне поняли, что встреча эта пристрелочная. Если все пойдет, как надо, вскоре с официальным визитом придет и сам шейх Абдулла. Разговор, само собой, пойдет о ценах на жидкое золото и квоте на его добычу.

Развлекать принца поручили сенатору Тере Батлер.

– На вас не действуют мужские чары, – пояснил свой выбор президент. – А по слухам, да и по имеющимся фотографиям принц очень хорош собой и имеет прямо-таки магическое влияние на женщин.

– Тогда пошлите к нему мужчину, – посоветовала Тера.

– Не буду скрывать: наша партия возлагает на вас, сенатор, большие надежды, – пояснили ей. – А принц Билял рвется к власти. Он хочет подчинить себе весь Ближний Восток, да и на остальные мусульманские страны нацелился всерьез. Хочет объединить их все. Это новый лидер, и за ним теперь надо внимательно следить. У вас с ним большое будущее, сенатор. Вам надо друг к другу привыкать.

«Привыкнуть к этому надменному павиану?» – с недовольством думала Тера, разглядывая фотографии королевской семьи и видеоролики с участием принца, а параллельно читая его досье. Две жены, куча громких романов, в том числе с известными актрисами и супермоделями. Правда, после второй женитьбы принц Билял поутих, по слухам, у них с новоиспеченной шейхой Барой неземная любовь. И шейха, само собой, уже беременна.

Лицо у принца Биляла хоть и красивое, но надменное. Белый бурнус скрывает его фигуру, но судя по тому, как легко принц двигается, там, под бурнусом, есть на что посмотреть. Тера, как и обычно, ничего не почувствовала, никакого волнения, что по идее, должна была бы чувствовать глядя на такого красивого мужчину. Просто констатировала факт. Принц Билял бен Халиф аль Рашид и в самом деле очень хорош собой. И это означает большие проблемы.

Протокол пребывания принца в Вашингтоне, хоть и неофициального, но все же визита коронованной особы был согласован в деталях, когда случилось непредвиденное. Буквально за три дня до приезда принца в Вашингтоне разразился ливень. И какой!

В столице началось самое настоящее наводнение. Улицы превратились в реки, машины оказались затоплены по самые крыши, а первые этажи зданий просто-напросто исчезли, поскольку находились теперь под водой. О том, чтобы сесть в аэропорту Вашингтона не могло

быть и речи. Все, как один рейсы были отменены. Потому что в аэропорту теперь был потоп. С личным секретарем принца Биляла срочно связались, чтобы об этом сказать.

– Вы можете сесть в Филадельфии или в любом другом городе по вашему выбору. Там, где погода летная и аэропорт без проблем вас примет.

– Шейх Билял бен Халиф аль Рашид, сядет в Вашингтоне, – сказал секретарь после паузы. Видимо, переговорил с самим шейхом.

– Да он сумасшедший! – разозлилась Тера, когда ей об этом сказали. – Куда он сядет? В океан?

Принесший это известие только развел руками: кто ж его знает? Он ведь принц!

– Самоубийца, – злилась Тера, глядя на небо, сплошь затянутое тучами.

По улицам столицы Америки лилась вода, которая все прибывала. Это была настоящая экологическая катастрофа! Тера пыталась сосредоточиться и призвать на помощь все свои силы. Говорят, у нее есть какие-то особые способности. Раньше это работало, но сегодня... Стихия словно взбесилась. На Вашингтон надвигалась стена воды. Десятиметровые волны обрушились на побережье. Казалось, еще немного, и город смоем мощнейший тайфун! А этот безумец направляет прямо в грозу свой самолет! О чем, он, интересно думает? Или это такой странный способ самоубийства?

– Свяжитесь с ним, – велела Тера. – И доведите до сознания его высочества, что посадка в другом аэропорту ничуть не ущемляет его самолюбие. Это всего лишь меры предосторожности. Да скажите вы этому коронованному идиоту, что он летит прямо в грозовой фронт! – не выдержала она.

– Принц сядет в Вашингтоне, – повторили на том конце эфира в ответ на присланную сводку о неприемлемых для посадки метеословиях.

«Никуда он не сядет», – подумала Тера, вовсе не собираясь ехать в аэропорт. «Кем бы он ни был, он ведь не господь Бог. Посадочная полоса под водой, диспетчеры глухи и слепы. Этому гордецу придется повернуть на юг, или на север. Или же облететь грозу и направиться в штат Пенсильвания».

Тера уже поняла, что принц Билял донельзя ее раздражает. Самовлюбленный павлин, вот он кто!

Она сидела у себя в кабинете и ждала известий. Надо было переносить встречу из Вашингтона в какой-то другой город, возможно в соседнем штате. Потому что столица сейчас не пригодна для визитов кого бы то ни было. О том, куда именно ей, сенатору Таре Батлер надо выдвигаться, сообщат, как только принц определится с выбором. Интересно, куда он все-таки свернул? И почему молчат диспетчеры?

Она посмотрела в окно и не поверила своим глазам. Над городом сияло солнце! А небо было синим-пресиним! Каким-то непостижимым образом тучи рассеялись, а огромные волны в океане улеглись! Тера вскочила.

– Машину, срочно! – велела она секретарю. – Я еду в аэропорт!

И неволью пошатнулась.

– Что с вами, сенатор? – кинулся к ней секретарь.

Раньше у Теры не было проблем со здоровьем. Никаких. Но сегодня она вдруг почувствовала себя странно. Вся словно вдруг отяжелела, живот разбух, ноги и руки сделались каменными. Она была похожа на огромную губку, которая в одночасье впитала в себя тонну воды! Тере понадобилось время, чтобы отдышаться и буквально на полчаса она прилегла.

Так что в аэропорт едва не опоздала. Пришлось применить все свои способности. Слава богу, с пробками Тера управляться умела. Она всегда *знала*, куда надо ехать, чтобы их избежать. Тере даже не надо было прибегать к помощи навигатора. К чему, если в любой момент там, где нет пробки, может случиться авария и все встанет намертво? А Тера всегда чувствовала, где именно случится эта авария. При желании она могла бы даже ее предотвратить. Но

господи, сколько же их много! Разве успеешь повсюду? И потом, она, Тера Батлер, пока еще путает города. Это, должно быть, от чрезмерной занятости. Слишком о многом приходится думать.

Она выскочила из машины, едва та остановилась, и ринулась в здание аэропорта. Луи подсыхали прямо на глазах, а вся вода куда-то исчезала. Это было непостижимо! Вот тогда-то Тера и заволновалась. Неужели знак?

Буквально через пять минут, запыхавшаяся и растрепанная, она стояла на взлетной полосе и смотрела, как заходит на посадку самолет принца Биляла. Наглец не опоздал ни на минуту! Он словно *знал*, что в аэропорту в момент его прилета будет ярко светить солнце! И поскольку знал об этом только принц Билял, его самолет был сейчас в аэропорту один. Еще никто не прибывал в Вашингтон с такой помпой, отменив все остальные рейсы. Конечно, их отменила стихия, но кто знает, не без помощи ли принца Биляла?

Тера с волнением смотрела, как он сходит по трапу. Да, красавец. Теперь уже она волновалась, но совсем не по этой причине. Увидев, что его встречает женщина, принц выразил неудовольствие. По его надменному лицу с удивительно правильными чертами пробежала тень, и принц Билял замешкался, отвечая на приветствие. Далеко не сразу пожал сенатору руку.

Они стояли друг против друг, высокий красавец-араб и неуклюжая, приземистая афроамериканка. К тому же растрепанная и запыхавшаяся. Принц Билял смерил ее презрительным взглядом. Потом выразительно возвел очи к небу: Аллах, за что?! От злости Тера впиалась взглядом в бетонную плиту у самых ног принца. И вдруг по ней пошла трещина. Бетон задымился. Принц от неожиданности отступил на пару шагов назад. Стоял и с огромным удивлением смотрел, как в зияющую трещину, шипя, стремительно уходит вода, которая в небольшом количестве все еще оставалась на взлетной полосе.

«Вот так-то, малыш», – удовлетворенно подумала Тера и медовым голосом сказала:

– Извините, ваше высочество, но у нас в Вашингтоне сегодня настоящий разгул стихий. К счастью, опасности уже нет.

– Я знаю, – надменно сказал принц и, перешагнув трещину, неловко пожал крупную черную руку сенатора Теры Батлер.

Его английский и в самом деле был с сильным акцентом. За спиной почтительно держался переводчик, тощий смуглый мужчина в дорогом костюме. Тера на всякий случай обзавелась и своим переводчиком. И это была, разумеется, женщина. Принц смотрел на них с явной насмешкой. Его странные глаза были похожи на океанские впадины, дна совсем не видно, только почти черная бурлящая вода. Тера заметила, как у ее сопровождающей дрожат ресницы.

«Да что ж такое творится-то?» – рассердилась она. И вдруг поймала на себе пристальный взгляд его высочества. Тот явно пытался подчинить ее своей воле.

«Ну, нет, красавчик», – насмешливо подумала Тера. «Кто бы ты ни был, на меня твои чары не действуют». Он усмехнулся и отвел взгляд.

Никогда еще Тере Батлер не было так тяжело. Обычно она легко располагала к себе людей. Даже те, кто поначалу сомневались в ее уме и умении решать любые проблемы, очень быстро становились друзьями темнокожего сенатора. Но этот человек в свою очередь был нечувствителен к ее чарам. В этот день расстались они сухо. Тера поинтересовалась, как его высочеству понравился отель, и получила в ответ утвердительный кивок. Но переводчик шепнул ей на ухо:

– Принц не доволен.

На самом деле Тера знала, что недоволен он не отелем, а ею. Тем, что она еще не смотрит шейху Билялу бен Халифу аль Рашину в рот, ловя каждое его слово, как это делает ее переводчица.

– Я отстраню тебя от работы, если ты не прекратишь ему зазывно улыбаться, – предупредила Тера враз смутившуюся женщину.

– Но он ведь такой красивый!

– Обычный мужчина. Но, похоже, владеет гипнозом. Или еще чем-то, науке пока неизвестным.

Главные переговоры они запланировали на завтра. Принц хотел прощупать почву перед официальным визитом в Вашингтон своего отца.

– Меня удивляет, что такую важную миссию возложили на женщину, – сказал он перед тем, как они с Терой расстались. – Или это знак неуважения?

– Напротив, ваше высочество, – через силу улыбнулась Тера. – Президент прислушивается к моему мнению. Ведь своей победой в недавней избирательной кампании он обязан именно мне.

«А кто ты такая?» – надменно посмотрел на нее принц. «Толстая чернокожая женщина? Которая не может даже одеться так, как подобает женщине и хоть немного себя украсить?»

В нарушение протокола руку при расставании шейх Билял аль Рашид Тере Батлер так и не пожал. Вот почему ей было так трудно. Ее не воспринимали всерьез, и это случилось с Терой впервые!

... На следующий день они встретились в полуофициальной обстановке. В Белом доме, но в кулуарах. За закрытыми дверями и без присутствия телевидения и прессы. Так пожелал принц Билял. Были только он с переводчиком и сенатор Тера Батлер со своей сопровождающей, которая в совершенстве знала арабский язык.

Принц был одет в белый бурнус и принципиально говорил только на родном языке. При этом он смотрел не на сенатора, а на своего переводчика. Тера Батлер его взгляда так и не удостоилась. Она все больше злилась, думая, как же ей преодолеть этот барьер? Ведь принц человек влиятельный, и с ним надо, во что бы то ни стало найти общий язык. Им надо договариваться. Но как это сделать, если его высочество ее в упор не видит?!

– ... мы совместными усилиями должны предотвратить войну на Ближнем Востоке. Ваша же политика приводит к тому, что напряжение только растет. Такое ощущение, что вы намеренно нагнетаете обстановку. Я лишь взываю к голосу разума, – настаивала Тера.

– Уступки должны быть взаимными, – непроницаемо улыбался принц. – Мы только хотим вам напомнить, что Америка от нас далеко. Мы – два мира, которые разделяет океан. А если добираться морским путем, даже два океана. И мы с вами очень разные, чтобы понять, что есть хорошо для нашего мира, а что для вашего...

В запале они даже не обратили внимания на то, что оба переводчика давно уже молчат. Сопровождающая Теры просто онемела от удивления, а переводчик принца то и дело нервно вытирал струящийся по щекам пот. Его высочество уверял его, что плохо знает английский. В самом деле, раньше за принцем Билялом таких способностей не замечалось. Но витиеватую подчас речь сенатора Батлер принц понимает так, будто она говорит на его родном языке. Что же касается сенатора...

– Откуда вы так хорошо знаете арабский? – потрясенно спросила Тера сопровождающая.

– Не знаю ни слова.

– Но вы же прекрасно понимаете все, что он говорит!

– А разве он говорил на арабском? – удивленно спросила Тера.

– А на каком?

И вот тут до нее дошло. Им с принцем Билялом вовсе не нужен переводчик! Потому что они общаются на каком-то своем языке. И вообще, похоже, без слов. Его высочество тоже это, кажется, понял. В его взгляде отразилось огромное удивление.

– Кто ты, женщина? – спросил он по-арабски, обращаясь к Тере и глядя ей прямо в глаза.

– А ты? – в упор, и уже без обиняков спросила она на английском.

И опять они друг друга прекрасно поняли! Принц сделал ей знак: надо взять паузу. Поговорим без свидетелей.

– Встреча закончена, – сказали они сопровождающим, посмотрев друг на друга и поняв, что между ними полное согласие. – Мы должны все обдумать и окончательное решение примем завтра, – сказала Тера с молчаливого одобрения принца.

И торопливо встала.

Он позвонил, как только Тера села в машину. Быстро сказал по-арабски:

– Сегодня в семь в холле отеля.

– Да, – ответила Тера и, дав отбой, разволновалась.

Так вот он какой! Недаром же ей был дан знак. Еще один Ангел стихии. Пока она называла их так. Интересно, а что понимает принц Билял? И что он вообще знает о своей миссии?

Тера с трудом дождалась семи часов вечера. Она поехала на встречу одна, на своей машине. И даже приоделась. Отчет о переговорах с наследным принцем Билялом Тера пока составлять не стала. Во-первых, они еще не закончены, и потом, это уже не имеет никакого значения. Приедет шейх Абдулла в Вашингтон, или не приедет, от этого визита мало что зависит. Происходит что-то глобальное, это понятно Тере и это же понимает и принц Билял. Им необходимо обсудить ситуацию, с глазу на глаз.

Принц ждал ее в холле. Сидел в углу на уютном диване, небрежно закинув ногу на ногу, и со скучающим видом разглядывал проходящих мимо женщин. Как только Тера вошла, принц бесшумно, по-кошачьи, поднялся и шагнул ей навстречу. На этот раз его королевское высочество был в дорогом костюме темно-синего цвета, под цвет глаз, и белоснежной сорочке. Манжеты украшали запонки с огромными бриллиантами. Еще большего размера бриллиант сверкал в заколке для галстука, а на пальце правой руки красовалось такое же внушительное кольцо. Ногти были тщательно отполированы, прическа – волосок к волоску.

«Все равно выпендренчик», – с неудовольствием подумала Тера, разглядывая костюм шейха и его украшения.

Принц тоже смерил ее взглядом и улыбнулся. Посмотрел так, словно попытался утопить в своих необычных глазах, растворить в себе.

– Все еще проверяешь, – усмехнулась Тера.

Он рассмеялся. Кивнул:

– Да, ты не такая, как все. Трещина на взлетной полосе – твоих рук дело?

– Ну, допустим. А что умеешь ты?

– А разве ты не видела? Я затопил Вашингтон!

– Используешь свой дар, чтобы с помпой явиться в столицу Америки? – презрительно сказала Тера. – Скупаешь по всему миру самые крупные бриллианты? – кивнула она на его галстук.

– Богатство было дано мне с рождения! Равно как и власть!

– И ты наслаждаешься жизнью, – горько сказала Тера.

– А что я, по-твоему, должен делать? – обиделся принц.

– Хотя бы задуматься, кто ты?

– Я повелитель воды! – гордо сказал он.

– Вот что, повелитель, – она крепко взяла его за локоть. – Пойдем-ка отсюда. Здесь слишком уж много чужих ушей.

– Ты такая молодая, а ведешь себя, как моя мать, – с уважением сказал принц Билял.

– Я и есть мать. Мать-земля. Во всяком случае, ее Хранительница. Если ты этого еще не понял.

– Ну, конечно! Земля! То-то я чувствую, как мои ноги тяжелеют! Ты на меня давишь, – пожаловался он.

– А ты перестань гипнотизировать меня взглядом. Я все равно не буду выполнять твои желания.

– Что ты знаешь о моих желаниях, женщина? – посмотрел он на Тера из-под опущенных ресниц, таких огромных, что его необычные глаза утонули в глубокой тени.

– О, Господи, ну почему? – тяжело вздохнула она. – Почему ты сделал его *таким*? И какие еще меня ждут сюрпризы?

Они расположились в одном из самых дорогих ресторанов, в отдельном кабинете. Первым делом его высочество с аппетитом поел. Спиртное он не употреблял, Тера тоже почти не пила. Она молчала, глядя, как принц ест, и прикидывала, с чего бы начать? Первым заговорил он:

– Меня сюда словно тянуло, – признался принц, покончив с десертом. – В Вашингтон. Я даже оставил любимую женщину. Которая ждет от меня ребенка.

– Откуда такое чадолюбие? – с интересом спросила Тера. – Вот у меня нет никакой охоты иметь детей. Я все еще девственница, – неожиданно призналась она.

Принц едва не поперхнулся. Спросил с удивлением:

– Сколько тебе лет? В моей стране ты бы уже считалась старой. Я имею в виду, для того, чтобы найти себе мужа, – пояснил он.

– Запомни: нет вашего мира, и нет нашего. Есть мой и твой общий мир. Очевидно, это очередная шутка Создателя. То, что он сделал тебя таким.

– Каким это таким? – всерьез обиделся принц. – Я могу предотвращать войны, если это потребуется. Возьму – и затоплю целую страну. Вместе с ее армией.

– Вот этого не надо делать, – вздохнула Тера. – Мне кажется, именно этого от нас и хотят.

– Кто? – с интересом спросил принц Билял. – Разве есть кто-то, кто сильнее нас, Хранителей?

– Мы не хранители. Мы элементали.

– Как ты сказала?

– Ангелы. Скажи, ты ведь тоже видишь сны? И в этих снах у тебя наверняка есть крылья.

– Откуда ты знаешь? – потрясенно спросил принц.

– Я знаю все о твоих снах. Потому что сама вижу такие же. Положи свою руку на мою, – она раскрыла ладонь.

После секундного колебания принц Билял накрыл ее ладонь своей прохладной и чуть влажной рукой. Тера почувствовала сильное волнение. Он видимо тоже, потому что посмотрел на нее долгим тягучим взглядом.

– Чувствуешь? – спросила она.

– Да. Снизу идет тепло.

– Но чего-то не хватает, правда?

– Да это так, – признался принц.

– Еще двух стихий. Воздуха и Огня. Интересно, где они?

– А зачем они нам, – пожал плечами принц. – Объединившись, мы с тобой можем править миром. Держа тебя за руку, я чувствую, как моя сила выросла вдвое. А ее и одной с лихвой.

– Что ты знаешь о силе, малыш? – не выдержала Тера. – Не ты в этом мире главный.

– А кто? – с обидой спросил принц.

– Власть – это все что тебе надо? – поморщилась Тера.

– Но ведь ты тоже, если я не ошибаюсь, сенатор, – ехидно заметил он. – Как это соотносится с твоими принципами?

– Я не пытаюсь на этом разбогатеть.

– А я пытаюсь? Я же сказал: богатство было дано мне с рождения.

– Только непонятно: зачем? Чтобы мы встретились? Пока еще катастрофы не случилось, время терпит. Мы легко справляемся с очагами напряжения. Ты контролируешь огромную территорию, я в свою очередь, присматриваю за одной из самых влиятельных в мире стран. Но есть и другие страны, не менее влиятельные.

- Ты имеешь в виду Китай?
- Ты тоже это чувствуешь? – подалась вперед Тера.
- Чувствую, что меня туда не пускают, – пожаловался принц Билял. – Я словно натыкаюсь на глухую стену. Все что мне удалось – это вызвать там наводнение. И то это было очень давно. С некоторых пор я не способен и на это.
- Зачем ты это сделал? – потрясенно сказала Тера.
- Что именно?
- Наводнение. Зачем?
- А их слишком много. Я всего лишь подкорректировал численность населения. Разве ты этим не занимаешься?
- Нет, – сердито сказала Тера. – Я не устраиваю землетрясений.
- Зря ты этого не делаешь, – пожал плечами принц Билял. – Потому что кому-то придется за тебя отдуваться. На земле не так уж много еды.
- Это знаю только я, – отрезала Тера. – Еды достаточно.
- Скажи мне, кто назначил тебя главной? – вкрадчиво спросил он. – Ты взялась меня учить, женщина.
- Давай не будем ссориться, – тут же миролюбиво сказала Тера. – Я рада, что мы встретились. Ты обладаешь большей свободой перемещения. Ведь здесь у нас нет наших крыльев. Мы не можем быть повсюду. А у меня столько работы, что я страшно занята.
- Так брось ее!
- Не могу. У нас в отличие от вас демократия, а не монархия. Тебе власть дана по рождению, причем, пожизненная. Ты шейх. А мне необходимо избираться.
- Разве ты не можешь подкорректировать результаты? – удивился принц Билял.
- Не вполне. Меня тоже не везде пускают.
- А... Ты имеешь в виду, тех, других. Кажется, есть еще двое.
- Вот именно. И с ними не все так просто. Времена меняются, Билял, – она назвала его просто по имени, и он не обиделся. – Тот, кто владеет информацией, по сути, владеет миром. Вот он может быть повсюду, не трогаясь с места. Спутники, мобильная связь, Интернет, – все это во владениях Ангела Воздуха. Поэтому в Тунис поедешь ты.
- Куда?!
- В Тунис.
- О, Аллах! Зачем?
- Не знаю. То есть, знаю. Там в ближайшем будущем должно что-то случиться. Я чувствую опасность.
- Ты хочешь, чтобы я это предотвратил?
- Мы не можем менять ход событий. Во всяком случае, не всегда. Но можем его замедлять. Но поедешь ты не за этим. Ты будешь искать.
- Его?
- Или ее.
- Еще одна женщина?!
- Всякое может быть, – пожала плечами Тера. – А я возьму на себя Китай. Один из нас явно живет там. Только вот где? В Шанхае, в Гонконге, или в Пекине? А, может, уже в Сингапуре? Ангел Воздуха очень быстро перемещается. На то он и воздух. Нам его не догнать.
- Объявится, – рассмеялся принц. – Что ж, поездка в Тунис и в моих интересах. Это ведь мусульманская страна. Заодно отдохну. Повалюсь на тамошних пляжах. Говорят, там много красивых туристов.
- А как же твоя любимая?
- Я пошутил, – его глаза снова спрятались за густой тенью от ресниц.

«И все-таки, он выпендрейник», – вновь тяжело вздохнула Тера. «С ним будет нелегко. Кто знает, как принц Билял поведет себя в самый ответственный момент?»

– Еда была невкусной, – заявил тот, расплачиваясь. – И вообще: мне тут у вас не нравится. Дома лучше.

– Тебя никто здесь не держит. Но запомни: я все время на связи.

– Я запомнил, – ослепительно улыбнулся он. – Один момент: а как я *его* узнаю?

– Так же, как и меня. Ты ведь не знаешь китайского?

– Откуда?

– А какие-нибудь европейские языки? Кроме английского?

– Ни слова, – заверил принц.

– Так вот: ты его услышишь. Вы будете говорить на разных языках, но прекрасно понимать друг друга. Ну и по *свойствам*. Он ведь тоже кое-что умеет. Как только увидишь что-то необычное, значит нашел.

– Он зажигает взглядом огонь? – насмешливо спросил принц Билял.

– Очень может быть, – серьезно сказала Тера. – Что же касается Ангела Воздуха... Стервец скорее всего играет на бирже. Надо присмотреться к тамошним игрокам, самым крупным и удачливым.

Они расстались уже за полночь. Тера прекрасно понимала, что это только начало. Этого льва пустыни трудно будет приручить. Сейчас он всего лишь человек, богатство его избаловало, равно как и внимание женщин. Но в груди у него бьется доброе сердце, Тера это почувствовала. И душа еще не ожесточилась. Принц Билял, слава богу, не знает, что такое боль.

«Нет, лучше уж никого не любить, чем рвать, потом сердце и подвергать жизнь на земле огромному риску», – вздохнула Тера, глядя, как принц садится в свой белоснежный лимузин. И уже ласково, как мать о балованном ребенке подумала: «выпендрейник». Ее чувства к Билялу были и в самом деле, почти материнские. Тера с улыбкой смотрела, как он уезжает. После чего направилась к своей машине. Назавтра им предстояло подписать протокол встречи и другие официальные документы. Они договорились все же слушать переводчиков, делать паузы в разговоре, и играть свои роли. Пока еще им нужна была ширма.

... Телефонный звонок раздался под утро. Принц Билял крепко спал, утомленный вчерашними событиями. Рядом с Терой он обретал новую силу, но сила эта его утомляла. Словно груз, который придавливал к земле, и который надо было тащить на своей спине в огромную гору. Билял к такому не привык. Без Теры он был гораздо слабее, а с Терой гораздо уязвимее. Потому что она пыталась возложить на него ответственность, напоминала о долге и о том, что принц Билял предпочел бы забыть. Его дар вовсе не средство, чтобы обрести богатство и власть, мстить своим обидчикам и покорять понравившихся женщин. Вовсе не за этим Ангел Воды пришел в этот мир и получил возможность прожить земную жизнь.

Но эта жизнь была так прекрасна!

Вот о чем думал Билял, отвечая на звонок. Принц здорово рассердился: кто посмел? Это священное время отдыха, возможность собраться с силами. Ведь на то, чтобы организовать в Вашингтоне потоп, потребовались колоссальные усилия! Билялу просто сразу хотелось поставить этих чванливых американцев на место. Кто ж знал, что здесь, в Вашингтоне, он встретит Теру? И натолкнется на такую же огромную силу. Принц пока не знал, как на это реагировать. Как начинающий политик и дипломат он сделал вид, что подчинился, но на самом деле затаился.

Так кто посмел его побеспокоить в столь ранний час?!

Звонил Азиз.

– Мой господин... – голос у него упал. – Простите меня, но я должен вас огорчить.

– Что случилось? – насторожился Билял.

– Ваша жена... С ней беда.

– Валида? – он зевнул. Потом взял себя в руки. Речь идет о матери его детей, надо проявить уважение. – Что с ней случилось?

– Не с ней... Шейха Бара...

– Бара? – он враз проснулся. – Что с ней? Она родила до срока? Мальчик, девочка? – само собой, он ждал сына. Но и девочка – это не беда. Будут у них с Барой еще и сыновья.

– Она попала в автокатастрофу и... Ее больше нет, мой господин.

Он взревел от ярости. Над Вашингтоном снова раздались раскаты грома. Но здесь, в тысячах километрах от любимой, Билял был бессилён. Ведь здесь, на земле, у него не было быстрых крыльев. И прежней силы. Огромный материк и гигантских размеров океан, которые разделяют их с Барой – это слишком уж много. Да, океан – это его стихия, но он не может преодолеть ее в мгновение ока. Ему все еще нужен самолет.

– Как это случилось? – хрипло спросил он. – Я же просил тебя беречь мою девочку!

– Я сделал все что мог, но... – Азиз испуганно замолчал. – Ребенок тоже погиб, мой господин. Это и в самом деле был мальчик. Его не удалось спасти. У машины шейхи Бары отказали тормоза, и шофер не справился с управлением. Их, занесло, и... Машина врезалась в бетонную опору моста. Все погибли.

Билял понял, что Азиз что-то не договаривает. Все началось, когда принц привез Бару к своей первой жене, представить и объявить о том, что отныне они одна семья. Валида вела себя подобающе, но во взгляде ее Билял видел боль. Шейха Валида была слишком горда, чтобы соперница узнала о ее чувствах. Первая жена улыбалась Баре, лаская при этом своих детей, двух мальчиков, смотрящих на мать с обожанием. Третий ребенок, девочка, лежал в колыбели. Украдкой Валида бросала при этом взгляды на мужа, словно говоря: чего я не сделала для тебя? Разве мало любила? Разве не родила тебе сыновей? Зачем ты привел в дом другую женщину?

Хотя, они не жили под одной крышей ни дня этой своей новой семьей. У Бары был свой собственный дворец, своя прислуга, личный автомобиль и даже самолет. Билял соблюдал все правила, и навещал жен по очереди, обеим дарил драгоценности. Но у шейхи Бары он задерживался гораздо дольше, чем у шейхи Валиды. Разве любовь скроешь?

– Пусть у тебя будут одни только дочери! Пусть ты вообще не сможешь выносить детей! – посылала первая жена проклятья второй, узнав, что та забеременела.

Валида, которая после появления в жизни принца Биляла Бары проводила ночи в своей спальне, одна, пришла в отчаяние. Она не хотела его ни с кем делить. Ладно, актрисы и модели. Они ведь *неверные*. С ними Билял никогда не совершит никях. И бросит, как только они ему надоедят. Так уже было не раз. Следовательно, это можно пережить. Но Бара... Она ведь законная жена! А теперь станет и матерью сына наследного принца! Старшинство еще не гарантирует трон. Вспомнить историю самого принца Биляла и его старшего брата Рашида. И Валида забеспокоилась всерьез. Отдать трон древнейшего королевского рода отпрыску какой-то выскочки?!

Узнав, что муж улетает в Америку, Валида возликовала. Она пугалась его необычных способностей и чувствовала, что пока Билял рядом, сделать с Барой что-то бессильна. Слава Аллаху, Валида была сказочно богата, и шейх Абдулла вместе со своей любимой женой, шейхой Мозой, всегда были на стороне той снохи, которую выбрали сами. А к Баре относились с презрением. Очередная причуда сына, всего лишь.

Нужных людей Валида нашла легко. И легко усыпила бдительность Азиза. Тот считал, что забеременев, Бара по-настоящему стала членом династии, и покуситься на ее жизнь никто не посмеет. Он забыл про Рашида, зато не забыла Валида. Ох уж это женское коварство! Именно к старшему брату супруга, и своему дальнему родственнику родовитая шейха и обратилась за помощью. По-родственному, как к одному из старших мужчин. Что же в этом зазорного, когда муж постоянно в отъезде? Только вот что это за «помощь», и о чем пойдет разговор, не знал никто кроме них двоих. И Рашид помог. Он прекрасно знал, как больно будет брату потерять любимую. Это была месть за потерянный трон...

... Тера не сразу поняла, когда ее подняли с постели в шесть утра: кто и зачем?

– Сделай что-нибудь! – тряс ее за плечо принц, черный от горя, с помутневшим взглядом. Потом не выдержал и закричал: – Вставай! Ты еще успеешь! Ты можешь предотвращать автокатастрофы! Ты мне сама говорила!

Тера резко села на кровати. Ночная сорочка сползла с плеча, и в ее вырезе была видна полная черная грудь с огромными сосками. Но Билял не замечал, в каком виде женщина, которую он только что поднял с постели. Он вообще ничего не замечал, просто кричал теперь уже что-то бессвязное, злое, хватая Теру за руку и требуя от нее немедленных действий.

Наконец, она поняла, что случилось горе с его женой. С той самой, любимой.

Собрав все свои силы, Тера попыталась мысленно перенестись на другой континент. Представила, что за спиной огромные крылья. Она летела над своими владениями, высматривая очаг горя, которое жгло сейчас Биляла. И, наконец, нашла. После чего сжала его руку и тихо сказала:

– На земле ее больше нет. Я ничего не могу сделать. Я ее не чувствую и не властная над ней.

– А кто властен? – вцепился в нее принц.

Тера подняла глаза к потолку и также тихо сказала:

– Создатель.

– Как его вызвать? – нетерпеливо спросил Билял. – Что я должен сделать?

– Я не знаю, – призналась Тера. – Он, должно быть, сейчас далеко и не услышит наших голосов.

– Но ведь я это могу? – не унимался Билял.

– Один нет. И я не могу. Свершилось то, что должно было свершиться, Билял, – мягко сказала Тера. – Жизненный путь любого из нас лежит через страдания. Ты только что познал боль.

– Нет! Я не хочу! – он оттолкнул Теру так, что она чуть, было, не упала с кровати.

– Этого никто не хочет.

Она встала, чтобы одеться.

– Ты знала! Потому и не любила никого и никогда!

Она, молча, пожала плечами.

– Я не хочу больше жить! – не унимался Билял. – Зачем мне знать, что такое страдания и боль?! Я хочу соединиться с любимой, где бы она сейчас не была!

– А вот этого ты не смеешь!

– И кто мне помешает? Ты?!

– Да, я!

– Ну, попробуй! – оскалил он хищные белые зубы.

Она встала напротив и впиалась в него взглядом. Казалось, стены вокруг заходили ходунном. Или, действительно, заходили? Тера и Билял стояли друг против друга, под ними дрожал пол, а за окном по-прежнему гроыхало. В холле послышались крики:

– Боже! Землетрясение!

– И тайфун! На город идет тайфун!

– Успокой их, – велела Тера.

– Что? – он смотрел на нее непонимающим и невидящим взглядом, полным ненависти.

– Волны. Уйми свою стихию.

– Кто ты такая, чтобы мне указывать!

– Возьми себя в руки! Ты все равно ее не вернешь. Я же тебе сказала, что ее больше здесь нет. Но есть другие. Это была не любовь, Билял. А испытание.

– Замолчи! Я немедленно улетаю! Но прежде затоплю этот город! Сотру его с лица земли!

– Нет.

В этот момент бетон на взлетной полосе начал ломаться на куски и встал дыбом. Эти огромные куски окаменевшей земли наезжали друг на друга, слышался сумасшедший грохот. Ему вторил гром.

– Ты... – захрипел Билял... – Ты посмела разрушить взлетную полосу!

– Да! Потому что ты сейчас обезумел от горя! Ты не понимаешь, что делаешь! И ты останешься рядом со мной, пока не придешь в себя!

– Женщина... – он грозно поднял руку.

– Ты ничего мне не сделаешь, – спокойно сказала Тера. – Уйми свою стихию, а я уйму свою.

– И не подумаю!

– Теперь ты понимаешь, что почувствовали те, кто потерял своих близких во время наводнения. Это тебе урок.

Его рука бессильно опустилась.

Те, кто оказался в этот момент на морском берегу, наблюдали странное зрелище. Ужасающее, и вместе с тем по-своему прекрасное. Сначала всех охватила паника. Из глубин океана на континент шла гигантская волна. Навстречу ей, будто щиты, поднимались тяжелые гранитные плиты, сковавшие берег. Земля дрожала, выталкивая их наружу, словно выставляя мощный заслон надвигающемуся тайфуну. Плиты наезжали одна на другую, отчего каменная стена становилась все выше и выше. В ответ еще выше поднималась волна. В конце концов, они схлестнулись. Но каменная стена стояла намертво. Вода яростно шипела, клокотала, чернела от ярости, билась в судорогах. А потом вдруг опала, взметнув стену брызг, и в один момент стала лазурной. Все с удивлением смотрели, как успокаивается океан, и как с грохотом падают каменные плиты.

... Принц Билял улетел на родину только на следующий день, на другом самолете и из другого аэропорта. Уже без всякой помпы.

Москва

Первым страшным разочарованием стало то, что Гуанг легко вошел в дом. Он-то ожидал больших проблем! Живую стену огня, или, в крайнем случае, простую попытку испепеления взглядом. Почему-то Гуанг был уверен, что встретит в Москве именно Элементаль Огня. Уж очень лихо с всемогущим мистером Чао разделились на бирже. Ну, кому еще это под силу, как не одному из любимчиков Создателя? Который всегда выделял Ангела Огня среди других. Мол, сначала был создан Свет, а уж потом... В Гуанге, когда он во время своей новой земной жизни обрел возможность чувствовать, несмотря на то, что прошли века, снова бродила обида. Ну почему его так никогда не любили?! Не баловали, не ласкали. Ни родители, ни... В общем, никто.

Вторым разочарованием стал вид этого любимчика. Гуанг стоял на пороге гостиной и безглаголиво морщился, глядя на своего, так называемого брата. И этот жалкий человечешка Ангел Огня?! Едва Гуанг поднял руку в своем излюбленном жесте, (ладонь раскрыта, и, словно мощный пылесос, втягивает в себя воздух) как сидящий в кресле перед телевизором мужчина скорчился и стал задыхаться. А где же испепеление взглядом? Хотя бы попытка?

Гуанг с недоумением смотрел, как человечешка синееет и хрипит. Вот уж не думал, что так просто разделаться с живым воплощением Ангела Огня! Одним из любимых творений Создателя, плоть от плоти его, и одной с ним крови!

– Мы могли бы быть с тобой заодно, – презрительно сказал Гуанг на китайском.

Человечек замотал головой, явно не понимая. Гуанг разозлился. Что это за игра?

– Хватит прикидываться, – зло сказал он. – Ты прекрасно меня понимаешь.

– Доунт андэстенд, мистер, – захрипел мужчина, почти уже потеряв сознание. – Что вам от меня нужно? Я ни в чем не виноват, клянусь! Я ничего не делал, отпустите! – сказал он на абсолютно незнакомом Гуангу языке. Мистер Чао понял смысл сказанного лишь по эмоциям, которые красноречиво отразились на лице у говорящего. Страх, боль, а потом и безнадежность...

Он напрягся. Что-то не так. И по-китайски спросил:

– Ты меня не понимаешь?

Мужчина смотрел на него, и, кажется, ничего уже больше не соображал. В его легких почти совсем не осталось воздуха. Рука Гуанга сама собой опустилась.

– Дыши, – велел он.

И мужчина задыхался часто-то часто. Через минуту лицо его сделалось почти счастливым.

– Какие языки ты знаешь? – требовательно спросил Гуанг и недовольно поморщился.

Общение явно не складывалось. – Инглиш?

Мужчина торопливо закивал. Никаких сверх способностей или *свойств* у него не наблюдалось. Но Гуанг все же был настороже. А вдруг это хитрость? Какая-то непонятная игра? Кто-то же увел у него из-под носа почти миллиард?!

И Гуанг заговорил уже на английском, как можно медленнее, чтобы его поняли:

– Я приехал из Китая. Недавно со мной произошла большая неприятность. Кто-то обвалил биржу и украл у меня гениальную идею. Ты знаешь, о чем я? – он снова поднял руку, давая понять, что готов применить силу. Мужчина торопливо кивнул. – Я владею всей информацией, так что не пытайся меня обмануть. Мои деньги и мою идею украл ты.

– Нет! – отчаянно закричал его собеседник. – Это не я!

Гуанг потерял терпение.

– Это было сделано отсюда, из этого дома! – закричал он. – Я знаю точный адрес! Потому что знаю, откуда шел сигнал!

– Это все она! Она меня заставила!

– Кто она?

– Алла!

– Женщина?

– Да.

– Твоя женщина? – уточнил Гуанг.

– Она ничья, – горько сказал мужчина, которого Гуанг поначалу ошибочно принял за элементаль. Всего лишь человек, да к тому же трус.

– А как зовут тебя?

– Борис.

– Как ты с ней познакомился, с этой Аллой? – нетерпеливо спросил Гуанг. – Какая она? Чем занимается? Что она знает о своих способностях?

– Она журналистка, – торопливо заговорил Борис. – Она... Да, она странная. Говорит, что она – Ангел Огня.

Гуанг насторожился. Неужели этот манускрипт был написан не только на китайском, но и на каком-то другом языке? Или даже на четырех языках? Или кто-то перевел его с Языка Первых и сделал копии? Допустим, было оставлено несколько копий, в разных частях света. Тогда почему его, Гуанга Чао до сих пор никто не ищет?

– Говори все, – велел он. – Как ведет себя эта Алла? Что рассказывает о себе? Что она говорила о своей миссии?

– Я не понимаю, – наморщил лоб Борис.

– Тебе не понятен мой английский? – он вновь угрожающе поднял руку.

– Мне не понятно, о чем вы спрашиваете! – вжался Борис в угол дивана. – Не трогайте меня, умоляю! Я скажу все! Только поясните, о чем я должен говорить!

– Зачем она велела тебе обвалить биржу, о, Создатель?! – Гуанг уже начал терять терпение. Сколько лишних эмоций! И глупая трата времени.

– Алла сказала... – Борис судорожно сглотнул. – Это, мол, нарушает существующий порядок вещей. Все деньги стекаются в Китай, и надо их оттуда... – он осекся.

– Изъять, – закончил за него Гуанг. – Куда ты их дел?

– Они лежат на моих счетах, – растерянно сказал Борис. – То есть, лежали. Алла не велела мне их трогать.

– Разве она не забрала все себе?

– Ей не нужны деньги. Я же говорю, что она странная.

– Где она живет? – нетерпеливо спросил Гуанг.

– Нигде. То есть, везде.

– Как это? – удивился он. – У каждого человека есть дом. Кем бы она ни была, сейчас она всего лишь человек. Да к тому же женщина.

– Она нигде не живет, – повторил Борис. – Мотается по миру, по горячим точкам. Она ведь журналистка. Ее тянет туда, где скоро начнется революция. Или где взрывают.

– Это не удивительно, – криво усмехнулся Гуанг. – Значит, сейчас она в Тунисе?

– Откуда вы узнали?!

– Это не твое дело. Я, похоже, ошибся, – нахмурился он. – Сейчас ты мне скажешь пароль. И доступ к твоему личному кабинету. Ко всем кабинетам, во всех банках, где у тебя счета. Все цифры, которые я захочу узнать. И не пытайся меня обмануть. Это бесполезно. Как видишь, я не простой человек.

– А вы вообще, человек? – с сомнением спросил Борис.

– Полагаешь, я дух? – усмехнулся Гуанг. – Или сам Создатель? – он неожиданно развеселился. – Увы! Когда-то я был всесильным, но не сейчас. Поэтому мне нужен ты. Дай мне коды от своих счетов. Я не могу туда войти. Мне что-то мешает. У меня словно повязка на глазах, когда я захожу в эти базы данных. Но с твоей помощью я это сделаю. Ведь ты знаешь коды?

– Конечно, знаю! – заторопился Борис. – Только... Я ведь затратил время, – заканючил он. – Там не все деньги ваши. Я взломал сайты нескольких банков, играл на курсе валют...

– Хочешь поторговаться? – усмехнулся Гуанг.

– Вы и так богаты, мистер...

– Чао. Меня зовут мистер Чао. Давай, бери-ка в руки планшет. Или что там у тебя?

Борис торопливо схватил с дивана планшет.

– Сейчас, – забормотал он. Руки его дрожали. – Одну минуту... Секундочку...

Гуанг уже знал, что он опоздал. Это было бы слишком просто. С такой же кажущейся простотой он вошел в дом. Обычный дом, хотя и большой. Добротный. Какое-то время здесь жила женщина. Странная женщина, хотя бы потому, что у нее очень необычные духи. В этом доме пахло не парфюмом, а гарью. Гуангу чудилось, что повсюду еще витают искры. Здесь что-то горело. Невидимое глазу, непонятное простому смертному, но пламя было гигантское! Горела китайская биржа, взрывались цены на акции, пылали счета бывших миллиардеров. А искры до сих пор еще кружат в воздухе. Ему, Гуангу Чао, очень горячо, так и хочется встать под холодный душ. А на руках и на лице невидимый пепел. Гуанг невольно поморщился. Ему досталось всего лишь пепелище. Увы!

Борис что-то бормотал, покрываясь потом.

– Их там нет, да? – почти что ласково спросил Гуанг. – Денег?

– Понятия не имею, как это случилось... Никто не мог войти в мой личный кабинет...

– Кроме нее, так? Она ведь знала пароль? И все коды?

– Я же не мог ей не сказать! – отчаянно закричал Борис. – Ведь это она меня научила! Без нее я бы не смог взломать ни один банк!

– Она что, крутой программист? – хмуро спросил Гуанг.

– Нет, она в этом совсем не разбирается! Она... Она словно зажигает одним только взглядом. Это как вдохновение, понимаете?

– Я-то понимаю, – усмехнулся Гуанг. – Ну и куда ушли деньги?

– Сами смотрите, – Борис дрожащими руками протянул ему планшет.

«И опять я ничего не вижу», – с досадой подумал Гуанг. «Вижу транзакцию. Она увела их в какой-то оффшор, словно что-то почувствовала. И я не могу увидеть, куда именно. Она словно бы выстроила передо мной глухую стену. Непроницаемую. Этот пароль я не знаю. И не могу узнать. Никак».

– Она мне почти ничего не оставила, – пожаловался Борис. Губы у него дрожали от обиды. – А ведь там были и мои деньги! Я их заработал!

– Ты их украл, – хмуро сказал Гуанг. – Но она о тебе позаботилась. Оставила на жизнь. Скажи, вы были любовниками? – догадался он.

– Конечно!

– И она собиралась вернуться?

– Неуверен, но... Да, собиралась! – с вызовом сказал Борис. – Если вы задержитесь еще на несколько дней, то сами сможете с ней поговорить.

– Задержаться на несколько дней? – Гуанг посмотрел на него в глубокой задумчивости. Хм-м... Просто сидеть и ждать. Ему, Ангелу Воздуха! Да этот человечиска просто глупец. Так и не понял, с кем имеет дело. – Покажи мне ее фотографию, – велел он. – У тебя ведь есть фото твоей женщины? – он протянул Борису планшет.

– Конечно, – кивнул тот, и его пальцы торопливо забегали по клавиатуре. – Вот...

«Красивая», – подумал Гуанг, разглядывая фото этой... Ну пусть будет Аллы. Какое значение имеют их земные имена? Хотя, бесспорно, какое-то имеют. «Глаза необычные. В глубине зрачков таятся огонь. Но почему-то блондинка. Раньше была рыжей. С огненной гривой, похожей на факел. Что ж, времена меняются, а у Создателя хорошее чувство юмора», – он невольно посмотрел в зеркало.

Там отразился низенький тощий китаец в умопомрачительно дорогом костюме, висащем на нем мешком. Сухая кожа, похожая на пергамент, узкие плечи, невыразительное плоское лицо, глаза непонятного цвета, похожие на щелочки. Какие-то пустые, почти без ресниц. Неудивительно, что Джия не воспринимала его, как мужчину. Равно как и другие женщины. Когда Гуанг Чао разбогател, их находится немало, тех, кто совсем не прочь был скрасить его одинокое существование. Но все они продажные твари. Их интересуют только его деньги. И Джия... Она такая же.

Гуанг еще раз взглянул на фото. А кому-то с внешностью повезло. Небось, мужчины по ней с ума сходят. И она вовсе не чужда земных страстей. Он с откровенной неприязнью посмотрел на Бориса. Раз они были любовниками, то она им, возможно, все еще дорожит.

Он поднял руку, широко раскрыв ладонь и растопырив пальцы. На этот раз он не стал тянуть. Высосал воздух одним жадным глотком из легких этого ничтожества. Борис обмяк, откинулся на спинку дивана и замер. Лицо у него посинело. Скажут, что он умер от удушья. Но никаких следов насилия.

Гуанг давно уже понял, как это удобно. Подумать только! Раньше ему надо было строить козни, рожать какие-то хитроумные комбинации, плести интриги. Одним словом, тратить свое драгоценное время. А теперь ему даже не нужна охрана.

«Пусть ей будет больно», – подумал он, глядя на мертвого Бориса. «Может быть так же, как и мне. Хотя, моя боль несоизмерима ни с чем. Я ни разу, *ни в одной* из своих жизней не был счастлив. Почему-то мой удел одни только страдания. А кто-то меж тем наслаждается».

Он теперь уже с ненавистью посмотрел на фотографию красавицы Аллы и закрыл планшет. Положил его рядом с телом Бориса и пошел к двери.

«Мне надо лететь в Тунис», – думал Гуанг, садясь в арендованную этим утром машину. «Уже понятно: будет непросто. Она знает гораздо больше, чем мне бы этого хотелось».

Он ехал по ночной Москве, и вослед его машине вихрился воздух. Она словно бы скользила на воздушной подушке, не касаясь колесами земли. Железная колесница, запряженная всеми ветрами. Это было необычное, завораживающее зрелище. Гуанг иногда подобным образом развлекался. Ему было скучно в своем бриллиантовом одиночестве. Количество денег никоим образом не влияло на состояние его души. И не делало его счастливым, сколько бы их ни было, этих миллиардов.

«Джия», – подумал он с тоской. «Я легко могу забрать то, что когда-то дал тебе. Воздух из твоих легких, а вместе с ним жизнь. Но это не сделает меня счастливее. Мертвая ты будешь для меня тем более недосыгаема. Здесь, на земле, мы еще можем встретиться. Я могу увидеть твоё лицо, хоть мельком, и вдохнуть запах твоих волос, даже находясь на расстоянии в тысячи километров. И жить этим, ненавидя тебя и презирая, но, тем не менее, не в силах с тобой расстаться навсегда. Я и сейчас чувствую те духи, которые ты нанесла сегодня поутру на запястье. Самую капельку, но мне донес этот запах ветер. Из всех запахов мира я остро чувствую только твой, потому что он опять заставляет меня страдать. Но в том, другом мире, ты будешь потеряна для меня навсегда. Так же как и мое тело. Ты меня даже не увидишь. Так что же мне делать, Джия?»...

Он остановил машину на мосту. Город почти уже спал. Гуанг Чао прошел с десяток шагов вперед по каменным плитам, разминая ноги и с наслаждением вдыхая прохладный, сытный воздух. Где-то на середине крохотный китаец встал у парапета, глядя на темную воду. Воздух, которым он дышал, в разных местах был для Гуанга разным. Он его словно ел, этот воздух, чувствуя не только запах, но и вкус. Этот, московский, был жирным, тягучим, и поначалу ложился в желудок камнем. Но сегодня, когда Гуанг был голоден, он вполне оценил эту сытность. Потому дышал с удовольствием. Потом попытался сосредоточиться. Вода лениво забурлила, чуть поднялась и облизала языком бетонную опору моста, прямо под ногами у Гуанга Чао.

«Где он, Мрак его возьми? Или она?»

– Где твой хозяин? – спросил Гуанг у воды.

Волна сердито зашипела и откатилась назад.

– По-каковски он базарит-то? – раздался совсем рядом прокуренные голоса.

Гуанг не понял ни слова, и даже не обернулся.

– Ты, чурка, – грубо окрикнули его. – Мобила есть?

– Ты глянь, как стали одеваться эти узкоглазые! Небось, и бабла в карманах полно! Тачка там, часом не его стоит?

– Делиться надо, урод, – толкнули его в бок. Гуанг промолчал, давая им шанс уйти.

– Давай его с моста скинем! Все воздух чище будет. А тачку угоним. Прокатимся с ветерком!

Гуанг почувствовал, как его грубо схватили за плечи.

– Не надо, я сам все отдам, – забормотал он, расстегивая пуговицы на пиджаке.

– Что он там чирикает? – разозлились бритоголовые. – Сю-сю, му-сю... По-русски говори, сука!

– Купаться собрался, разве непонятно?

Они заржали. Гуанг скинул им на руки пиджак, резко обернулся и втянул носом воздух. Тут же налетел порыв ветра. Те двое, что пытались утопить Гуанга Чао в Москва-реке, упали на мостовую, смешно дрыгая ногами. Попытались встать, но вновь были сбиты с ног сильным порывом ветра.

Следующий удар стихии уже был похож на маленький ураган. На мосту образовалась воронка, смерч, который тут же распался надвое и подхватил валяющихся на мостовой людей. Какое-то время Гуанг развлекался, швыряя бритоголовых по мосту, словно резиновые мячики. Потом ему стало скучно.

«Обычная московская шпана», – подумал он, – «она есть повсюду, в любом городе мира. Те, которые считают себя крутыми, а всех остальных ниже ростом. Я, действительно, ниже ростом. Но лишь в этой жизни. Здесь и сейчас...»

Он тяжело вздохнул и махнул рукой. Очередной порыв ветра швырнул парней, одетых в черную кожу, с парапета моста прямо в холодную воду. Раздался крики, потом громкий всплеск и теперь уже вопль отчаяния. Река в этом месте оказалась глубокой. Гуанг не стал смотреть, что будет дальше. Выплывут они, или утонут. Он вовсе не жаждал мести. Слишком уж это мелко. Нет, мстить надо по-крупному. Так, чтобы сразу и наверняка. А, главное, за все. За все свои обиды. А обид у него накопилось много.

Гуанг сел в свою машину и теперь уже без всяких штучек поехал в отель. Он решил, что завтра же поедет в Тунис, где будет искать эту Аллу. А когда найдет...

Он старался об этом не думать. Главное сейчас найти.

Тунис

«Что я здесь делаю?» – гадала она, валяясь на раскаленном пляже. Куда ни глянь, повсюду был песок, и только песок. Этот пляж поделили между собой самые роскошные отели, а они не любят тесниться. Ярко светило солнце, да иначе и быть не могло. Алла любила солнце, а оно ее. Когда Алла сильно уставала, солнце скрывалось за тучами.

– Не до тебя, – говорила она и погружалась в свои неотложные дела. А поскольку она всегда была занята, то и солнце было на нее в обиде. И обижалось оно по-детски, хмурясь и прячась за тучами.

Но сегодня она отдыхала, и день был солнечным, жарким, таким, как она и любила. Даже закаты словно бы стали короче, а дни намного длиннее. Солнце подолгу задерживалось на небе, вопреки всем законам природы, и после яркой вспышки камнем падало в воду. Алла лежала на раскаленном песке и любовалась этим зрелищем. До летнего солнцестояния оставалось меньше недели.

Раньше Алла никогда не задерживалась подолгу на одном месте, это было не в ее характере. Словно солнечный ветер, подхватив, все время гнал ее вперед, в самую гущу событий. И дел никаких у нее здесь, в Тунисе, больше не было. После того, как интерес к событиям в столице угас, Алла переехала в один из отелей на побережье. В редакции телеканала сказали, что ей надо хорошенько отдохнуть. Вот уже несколько лет спецкор Алла Лаврова не была в отпуске. А зачем он ей? Разве она умеет уставать? Она и спала-то мало, а сны эти были похожи на путешествие в прошлое.

Ночи напролет Алла моталась по бесконечным лабиринтам воспоминаний, большая часть из которых были кошмарами. То ей снился потоп, и она захлебывалась горько-соленой водой, то жуткий холод, сковавший все члены, и она медленно умирала, замерзая в глубоком снегу. Но иногда ей снилось что-то волшебное. Будто Земля сделалась размером с воздушный шарик, и Алла держала его в руках, стараясь, чтобы из шара не вышел весь воздух, или он бы ни лопнул. Держала старательно, как маленькая девочка, а рядом были еще три пары рук. Все вместе они сковали этот шар, словно стальными обручами, и в этих обручах Земле было спокойно и надежно. У Аллы было странное чувство, будто она знает абсолютно все, что происходит на этой планете, и подноготную каждого из миллиардов ее жителей. Чем он живет, насколько безопасен или, напротив, опасен, как будет продолжаться его жизненный путь и чем завершится. Впрочем, такое чувство возникало у нее и наяву.

«Откуда я это знаю?» – гадала она, задумываясь над своими видениями. «И знаю, что мне сейчас надо быть здесь, в Тунисе. Будто все предопределено, и моя судьба тоже. Я проживу недолго, и умру не своей смертью. Уж во всяком случае, не от старости. А откуда я это знаю?».

Она уже всерьез задумывалась о визите к психиатру. Все ее откровения люди воспринимали, как бред сумасшедшего. Они-то ведь были нормальными! И завидовали той легкости, с которой у Аллы все получалось, и с которой она делала карьеру.

Ее намеренно обижали, старались разозлить и сдернуть, ей пытались мстить за то, что она такая удачливая. Пытались строить козни и интриговать. Алла не ответила ни разу. Она просто знала, что спустя какое-то время все вернется назад. И обидчику не поздоровится. За нее заступится стихия. Потому что нельзя обижать ангелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.